

Литературные известия

№ 7 (159)

Июль 2018

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Сегодня в
номере:

*

Новости

литературной жизни

*

Поэзия

Союза писателей XXI века

*

Новинки издательства

«Вест-Консалтинг»

*

Новинки «Издательства

Евгения Степанова»

СУДЬБЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ

Новое издательство «Судьбы выдающихся людей» вошло в 2018 году в холдинг «Вест-Консалтинг».

Основателями издательства стали писатель Евгений Степанов и предприниматель Михаил Раскин.

В издательстве в 2018 году вышли две книги Н. Красновой. Первая — о жизни творчестве легендарного певца Анатолия Шамардина, а вторая — о судьбе известного писателя Иосифа Раскина.

Готовятся к печати книги Евгения Степанова о Татьяне Бек и Наталии Лихтенфельд — о Марлен Дитрих.

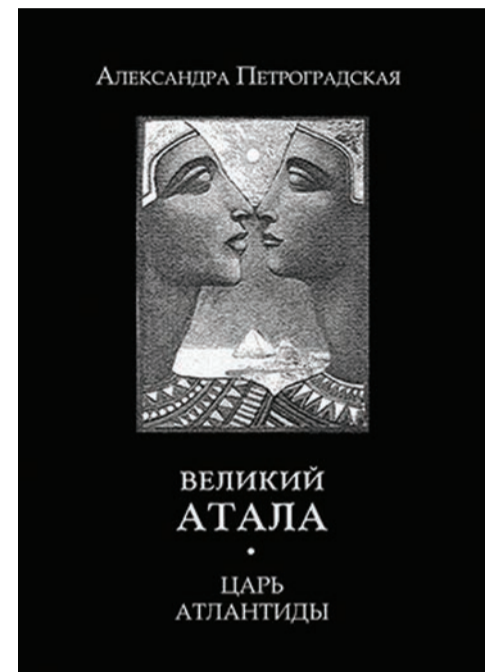
Фёдор МАЛЬЦЕВ

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОГРАДСКАЯ — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕОНАРДО

30 июня 2018 года прозаик, поэт и иконописец Александра Петроградская (Санкт-Петербург) была удостоена «за многогранность дарования» престижной премии имени Леонардо.

Диплом лауреата А. Петроградской вручил в Москве президент СП XXI века, координатор премии имени Леонардо Евгений Степанов. Торжественное вручение диплома состоялось во время презентации книги автора «Великий Атала — царь Атлантиды» в Клубе «Читального зала».

Сергей КИУЛИН

На фото: Евгений Степанов
и Александра Петроградская

ГОСТИНАЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Гостиная Союза писателей XXI века состоится 19 сентября 2018 года в Малом зале ЦДЛ в 18.30.

Вас ждет встреча с поэтами и прозаиками, будут представлены новые книги. Вход — свободный.

Пресс-служба
Союза писателей XXI века

ЕЛЕНА ФЁДОРОВА В КЛУБЕ «ЧИТАЛЬНОГО ЗАЛА»

Очередное заседание Клуба «Читального зала» состоялось 15 августа 2018 года в Союзе писателей XXI века.

На встречу с поэтом и прозаиком Еленой Фёдоровой, которая представила свою новую книгу прозы «Метроном вечности», пришли Нина Краснова, Ирина Голубева, Юрий Арго, Людмила Колодяжная, Сергей Киулин, Фёдор Мальцев и многие другие представители творческой интеллигенции Москвы.

Иосиф БЫКОВСКИЙ

Елена Фёдорова

РЕКЛАМА

МАГАЗИН
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

LITLAVKA

(WWW.LITLAVKA.RU)

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
ПО ЦЕНАМ
ИЗДАТЕЛЬСТВА!

Доставка
по Москве от 1 дня.

Тел. (495) 971-79-25

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ». ПРОЗА

Роман «Маша и Инопланетянин», впервые пришедший в Россию в замечательном переводе Мирославы Метляевой, ломает стереотипы о фантастической литературе и философском романе. Он обладает двойственной содержательностью: изначальной, в которой автор проявляет интерес к развитию человеческой личности, и привнесенной из других жанров — элементов сатирического, гротескного повествования. Мирок сорока-трехлетней Маши, одинокой, бездетной, сурово реалистичен, жизнь инопланетянина, напротив, абстрактна и лишена какой-либо радости. Эта пара — чуть ли не антагонисты, но Данилов убеждает в том, что на диалоге столь непохожих личностей можно создать полноценный роман, обнажающий теневую сторону современной жизни.

Читая эту книгу, хочется перефразировать известную поговорку: «Незванный гость хуже Инопланетянина». Драматические сцены подаются насмешливо, как будто рассказчик сидит на крыльце и травит чернушную байку, что характерно для жанра сатиры:

«Бывший муж время от времени еще являлся ей во снах. Обычно он подходил к калитке и просил у нее кружку воды. Вместо воды Маша приносила ему графин вина, красного, как кровь. Муж печально качал головой. Его глаза звали к состраданию. "Тебе ж вино нравилось, — поддевала его Маша сладким голосом — Что же, теперь ты не пьешь?"»

Образ Инопланетянина в романе предстает как сила разрушительная, исподволь захватившая власть на земле. Он является внезапно, пугает бедную женщину — странный, незнакомый. Короче, Другой. Но ведь корень-то в этом слове — «друг»! Даже если мы не верим в пришельцев, все равно их появление в сознании многих ассоциируется с «зелеными человечками», разумными существами высшего порядка, перед которыми человек изначально слабее. В книге же — все с точностью до наоборот: Инопланетянин вздыхает: «Мне бы хотелось быть таким же беспомощным, как ты, дорогая Маша». Этот «беденький», оказывающийся умереть не может. А хочется — жизнь-то не радует. И вот

Никита Данилов. «Маша и Инопланетянин»

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

он мается от безделья, болтается по галактике, прельщает смертных женщин...

Человеку тяжело избежать соблазнов, а простой деревенской бабе — тем более. Маша пытается противостоять чужаку, но не в состоянии: у того интеллектуальное преимущество. От страницы к странице нарастает мотив искушения: «Всегда, — пробормотал сквозь сон Инопланетянин, растянувшись на лавке, — Нечистый искушает человека истиной, свободой, Высшей любовью, и всегда человек дает возможность обмануть себя». Вот именно, дает — и отворачивается от Бога. Маша, вместо того, чтобы выгнать незнакомца в три шеи, пускается с ним в философские разговоры: слово за слово, бдительность женщины тает, а там и до греха недалеко...

«Я твой Бог, Маша!» — заявил Инопланетянин. На этом месте становится жалко Машу. Неужели ее душа настолько смущена, что она не способна сложить два и два? Кто склонен к унынию, для кого пропал смысл жизни? Латентный самоубийца, лишенный смысла жизни, возмнил себя Спасителем? Нет, тут что-то не так... В том-то и проблема, что Маша — неверующая, заблудшая, такая же, как ее собеседник. Мы обычно

верим тому, кто говорит ярко, напористо, у кого слова отскакивают от зубов. Вот и Маша попадает под обаяние странного визитера. Разговоры с Инопланетянином, конечно, выводят ее из себя, но собраты с мыслями, твердо отогнать чужого, у нее не хватает сил: «Что за Бог, — бормотала она. Посмотришь на него, бежать хочется... Где еще можно увидеть такого Бога в резиновых сапогах и потрепанной одежде?! Или такого, что опрокидывает в глотку стакан за стаканом и несет всякую чушь о вере, государстве, сексе и всякой другой ерунде, и, кроме того, лезет к тебе под юбку, пользуясь темнотой...». И не екнуло в груди: никогда, никогда Он так бы не сделал!

А как манит в этом заявлении притягательное местоимение «твой», которым так ловко оперирует чужак? Твой Бог — персональный, собственный, ни с кем не делимый! В конце концов Маша в своих рассуждениях о божественном возвращается к своему, набравшему: «Не хочет ли мужчина быть Богом в своем доме? Быть Богом для своей женщины? А женщина — стать предметом его поклонения?»

Для верующего человека смерть — начало новой, вечной жизни. Христианин живет для спасения души, земное же существование каждую минуту готовит его к небесному. В этом же романе у героев, при кажущихся противоречиях, ни жизни, ни смерти нет. Маша осталась без будущего — без семьи и детей, гость залетный и вовсе жаждет превратиться в ничто. Это закономерно — без Бога человек вынужден или топтаться на месте, или мертвой хваткой вцепляться в земные наслаждения, идя по пути саморазрушения, причем первый путь плавно подводит ко второму. Для такого человека полюса хорошего и плохого меняются местами (что, собственно, мы видим в «просвещенной» Европе). Символ этого превращения — отвратительный образ Крысы с двенадцатью сосками, в котором осмеяна идея христианства.

Завершение романа также отсылает нас к религиозным мотивам. Вспоминается концовка поэмы Блока: «В белом венчике из роз / Впереди — Иисус Христос». Нечто отдаленно напоминающее эту картину мы видим в фина-

ле романа Данилова: «Инопланетянин, наигрывая на флейте, шел посреди улицы, возглавляя идущую за ним странную процессию. Из каждого дома выходили его двойники и на ходу присоединялись к нему, постепенно собираясь в его тело, которое с каждым разом все больше увеличивалось, принимая гигантские размеры». Эта пародия, содержащая элементы натурализма, «бьет» по восприятию, вызывая у читателя антипатию. Для поэта Христос — эталон нравственного бытия, это Любовь, которая, будучи отвергнутой, тем не менее, не перестает быть «надвьюжной», непреходящей, а значит, может достаться тому, кто возьмет на себя смелость ее искать. Данилов же на последней странице оставляет свою героиню беременной существами с козьими ножками и копытцами. Выходит, в двадцать первом веке проще зачать крысу знает от кого, чем навести порядок в собственной душе? Окончание книги является пессимистичной метафорой: сейчас мы живем среди инопланетян — нас объединяет только место проживания, но не ценности.

Автор призывает настороженно воспринимать любое явление, прежде всего, для себя определившись с отношением к нему: куда ты меня ведешь? Что ты хочешь со мной сделать? Роман Никиты Данилова ставит непростые вопросы: способен ли человек расстаться с идеей о своей избранности, уникальности, если завтра неведомые «гости из будущего» присядут рядышком покурить на крыльце? Может ли человек считать себя венцом Божественного творения, если Другой с такой легкостью способен заморочить голову земной женщине? Не слишком ли мы слабы, проще говоря — нежизнеспособны? Именно потому, что Маша и Инопланетянин — символы (со всей их многогранностью и неистощимостью), разгадывать это произведение хочется снова и снова. Главное, чтобы вас не прервал неожиданный звонок в дверь. Не открывайте. Мало ли кому пофилософствовать приспичило. Пусть думает, что вас нет дома.

Надежда ДРОЗД

В 2018 году в издательстве «Вест-Консалтинг» вышла вторая книга Марианны Рейбо, название которой вовлекает нас в мир высоких технологий. Главное действующее лицо — шлем виртуальной реальности, целиком изменяющий восприятие мира. Именно он засасывает в систему двоих девушек и одного юношу, увлекает, опутывает, а в конечном итоге — опустошает. Подзаголовок «фантастическая повесть» лично у меня вызывает несогласие. Фантастическая?.. Это в наше-то время, когда в молодежной среде установилось негласное правило: удалить человека из «друзей» в соцсети означает вычеркнуть его из своей жизни? Скорее — беспощадно-прогностическая, своего рода диагноз. Описанные события пока что невозможно повторить «на практике», но мороз бежит по коже при мысли о том, что в недалеком будущем такая возможность появится: компания «Фейсбук» уже купила фирму-производителя VR-очков и в ближайшее время планирует привлечь не меньше миллиарда новых пользователей.

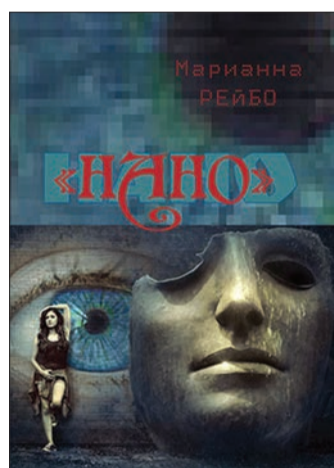
Будучи кандидатом философских наук, Марианна Рейбо поднимает серьезные темы, которые можно назвать «новыми философскими проблемами»: как конкретно соотносится сознание с мозгом, как чувственное восприятие может быть непосредственным доступом к реальности, если оно способно принимать за таковую искусственно смоделированные обстоятельства? Наконец, что будет, если выйти из системы?

Автор соблюдает жанровые традиции: система виртуальной реальности предоставляет возможность любого поведения без ответственности за него, без страха осуждения или отвержения. Так пухленькая и страдающая от собственной полноты Ольга прев-

Марианна Рейбо. «Нано»

Фантастическая повесть

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

ращается в шикарную красотку Виолетту, так успокаивает Веру искусственно созданная компьютерная среда: «Здесь не реальность командовала ею, здесь она управляла реальностью». Взаимодействие одного героя в двух мирах, параллелизм выдуманного и реального образов, острозюжетность и драматическая концовка — основные черты фантастических повестей. Непомерно раздутое сознание, захлебывающееся, ненасытное, распыленное жадной денег и славы, делают Дмитрия домашним тираном, но в Сети он с успехом изображает из себя гуру. Ольга и Вера — жертвы собственных комплексов, Артур — заложник украденного образа. Объединяет их чудо-шлем — легкий способ

спрятаться от действительности. Марианна Рейбо показывает якобы доступные «преимущества» искусственной компьютерной среды перед реальностью: иллюзию контроля над взаимоотношениями с другими людьми. Молодые люди намертво привязываются к системе, окунаются в фальшивые чувства, чтобы, пройдя через страдания, в финале отбросить злосчастную игрушку.

Вспоминается роман Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» и удивительная Машина счастья, которая, по замыслу инженера, должна выполнять все желания. Но жена изобретателя, опробовав Машины, плачет горькими слезами. Она понимает: теперь всю жизнь ее будет тянуть в мир, о котором она всегда мечтала, но который недоступен. Тем же заканчивают и героини Рейбо. Ольга и Вера сбрасывают с себя злополучный гаджет, Артур наказан больнее: он забывает шлем на трамвайной остановке — и вместе с ним теряет Веру. Навсегда. Так совершается возмездие — все возвращается на круги своя. Так звучит у автора призыв к смиренности, ибо в реальности далеко не все зависит от нас.

Марианна Рейбо продолжает литературную традицию знаменитого фантаста, но в ее (точнее — в нашем сегодняшнем) мире действие протекает гораздо жестче, реалистичнее. Кто такие потребители инфобизнеса? Наивные наркоманы, «подсевшие» на положительные ожидания. Звездный коучер (слово-то шипящее, калька с английского — это вам не полное русское — «учитель», в крайнем случае — преподаватель) Дмитрий Левицин работает именно так: начинает с построения ожиданий, вводит в систему, сулит доверчивым последователям манну небесную...

Попробуйте спросить у случайного прохожего, что он думает о всевозможных «учите-

лях жизни» — наверняка услышите нечто нелепое. Представляя себе портрет этого героя, испытываешь внутреннее сопротивление. Учиться? У такого? Боже упаси... Но Левицин — собирательный образ сегодняшнего «успешного» человека. Главное для него — власть над «стадом». Кто он? Пустой человек, шлак, отлакированный Системой. Мыльные пузыри. В общем, крайне неприятный персонаж.

Артур вроде бы хороший парень, но и его сломала жажда мести. Цель юноши — не просто взломать систему, бросить вызов киберпространству, но, в первую очередь, поквитаться за былые унижения с отцом и с Ольгой. Возвыситься над ними, восстановить, так сказать, справедливость.

Молодые люди осознают, что их поглотила имитация настоящей жизни. Особенно отчетливо и болезненно это ощущает Вера: «Это ощущение жизни и сейчас, спустя годы возвращалось на волнах памяти опьяняющим запахом свежескошенной травы, бликами солнечных зайчиков на облупленных бревнах старого, покосившегося дома, сварливым квохтаньем белой курицы, с интересом поглядывавшей в ожидании хлебной корочки». Вера смутно понимает: счастье дают нам реальные вещи: любовь бабушки, привязанность к домашним питомцам, единство с природой. Счастье не могут дать воображаемые конструкции. Но, чтобы получить свое, нужны реальные действия. А с этим у наших героев дело обстоит из рук вон плохо.

Образы молодых людей показывают, как тяжело человек переживает собственную несостоятельность: «Когда мне плохо, я никто!» В этот момент хочется «обнулить счет-

Окончание на стр. 3

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

В 2018 году издательство «Вест-Консалтинг» выпустило в серии «Судьбы выдающихся людей» первый том трилогии «Золотой самородок из Хасаута-Греческого». Книга о жизни певца и композитора Анатолия Шамардина — огромная художественно-просветительская работа, над которой несколько лет трудилась поэт Нина Краснова. Если бы не она, факты биографии прекрасного человека и богато одаренного музыканта рассеялись бы, как утренний туман.

Анатолий Шамардин родился в селе Хасаут-Греческое на Северном Кавказе. Окончил институт иностранных языков. Преподавал немецкий язык. И пел. Всегда. Долгое время — в художественной самодеятельности. Так получилось, что он много лет проработал на эстраде, имея высшее филологическое, но не имея специального музыкального образования. Нина Краснова уверена, что этот нежный, лирический тенор мог бы стать при удачном стечении обстоятельств кумиром миллионов, как Муслим Магомаев.

Нет, вы знаете, это не так. Красавец Магомаев, насколько мне известно, с детства был стопроцентно уверен в себе. Он так себя и нес: «Я — лучший!» Анатолий Шамардин, в отличие от него, свой путь выбирал долго, не решаясь окончательно расстаться с любимой лингвистикой. Его удивительная скромность и человеческие качества стали «терниями», через которые невозможно было пройти к «звездам». Как бы в сегодняшнем шоу-бизнесе посмотрели на чудака, который отказался от завидной вакансии в пользу другого — менее талантливого, но хитрого «бедняжки»? А между тем, однажды прекрасный тенор именно так и поступил! Данное обстоятельство особенно важно в сегодняшних условиях, когда дефицит духовности, к сожалению, воспринимается как норма жизни, а «попсовики» с истеричной подтанцовкой собирают полные залы.

Писать книгу о выдающейся личности — ответственнейшее дело. Нина Краснова провела обширное биографическое исследование, скрупулезно проверяя все факты. Только благодаря данной книге я узнала о существовании этого чудесного исполнителя-самородка. Автор рассказывает, что музыкально-вокальное воздействие Шамардина на слушателя было таково, что люди приглашали певца в палату к умирающему родственнику.

Заинтригованная, я набрала в поисковике «Анатолий Шамардин». Негусто. Чуть больше двух десятков песен. Немного видео. Короткий некролог на сайте московских любителей греческой культуры. И, к счастью, группа в фейсбуке. На сегодняшний день эта группа, посвященная памяти артиста — единственное место, где поклонники могут пообщаться друг с другом, оставить свои воспоминания, просто лишней раз восхититься полюбившимся исполнением. За неимением других средств выражения на письме переполняющих слушателя эмоций, виртуальная страница искрится смайликами и восклицательными знаками. Значительная часть материалов из этой группы попала в книгу.

Первая же, открытая мной наугад композиция — «Пока ты со мной» (на греческом языке) вызвала у меня секундное замешательство. В этой песне присутствовало все — чистота голоса, священная беззаботность лирического героя, неповторимый шарм исполнителя.

Мягкий, лучезарный тембр. Чтобы излить слушателю такую светлую любовь к жизни, мало иметь отличные вокальные данные. Нужна еще большая, широкая душа.

Представить себе этого человека в прокуренном кафешантане так же трудно, как солового в арктических снегах. А что важнее в музыке — развлекающая составляющая или воспитательная ценность? Анатолий Шамардин был убежден — второе. Песни вроде «Давай закурим, товарищ, по одной!» и «Налей, дружок, по чарочке», ставшие визитными карточками Клавдии Шульженко и Марка Бернеса, для этого исполнителя были неприемлемы. Прочитайте историю о двух курящих девушках — и вы поймете, как он был непримирим, ставя во главу угла и нравственность (как может понравиться курящая женщина!), и главным образом, собственное здоровье. Как поется в одном советском шлягере: «а девушки — потом».

Кстати, о женщинах. Хочется сказать пару слов о специфике мемуарного жанра. Пошлость в данной тематике — главнейший враг. Точнее говоря, наиглавнейший. Многие «вторые половинки» ушедших знаменитостей начинают смаковать подробности их семейной жизни, далеко не всегда благопристойные. Эта тема для автора табуирована. Нина Краснова могла бы

Лана Бьюри — автор из Нью-Йорка, города, в котором самое большое количество небоскребов в мире. Интересно, можно ли русской женщине найти внутри себя источник вдохновения, взирая на лоскутное небо?

Оказывается, можно. Пятая Авеню — самая известная и фешенебельная улица мира. Это предел мечтаний всех шопоголиков планеты. Здесь не генерируют образы, но шелестят зелеными купюрами. Но у женщины в алом на Манхэттене рождаются такие строки:

Женщины темной нога
Срослась кожей
с черной землей.

Под яблоней спит,
Устала она
От того,
что полу-небесное
и полу-земное...

А на самом деле —
Ничто,

нигде,
никогда
и никакое.

Гораздо труднее быть простым, а не сложным. Загадочность «Черной магии» (так называется это стихотворение) передается через интонационно-графическую простоту и задумчивую интонацию верлибра. Вообще, за понятием «простота» скрывается множество смыслов, нас же интересует основной: простота — основа творчества. Это мы видим в стихах Ланы Бьюри. Искренность и естественность составляют главное качество ее произведений.

В Нью-Йорке нет весны, лето наступает после зимы практически за одну ночь. И это лето тяжелое для выходца из средней полосы России: почти плюс сорок при абсолютной влажности. А творческому человеку, тем более женщине, так хочется парения, свободного полета! Вот и прорывается эта жажда на бумагу, и появляется стихотворение «Танец Матисса»:

каким мы его видим. Автор очень ярко демонстрирует, чем оборачивается попытка стать кем-то другим: «...Ольга с трудом открыла глаза. От долгого сна ресницы слиплись, не давая подняться векам, а руки были зафиксированы по швам длинными трубками капельницами».

Марианну Рейбо трудно назвать фантастом в прямом смысле этого слова. Она пишет о жизни — о тех, кто набивает шишек, чья

Окончание. Начало на стр. 2

психика больше всего подвержена влиянию. Автор создает социальную драму, которую, однако, завершает на еле слышной обнадеживающей ноте. В финале Вера попытается вернуться в реальность: «Скоро Вера проснется. Утром она снова попытается выйти из дома». Быть может, однажды она перестанет бояться. А читатель, закрыв книгу, вполне вероятно, выключит хоть ненадолго свой смартфон, чтобы, отбросив симулятор сча-

стья, выйти на пару часов погулять на свежем воздухе. Пора последовать тому, к чему призывает нас автор: «Давайте выйдем из системы! Давайте жить так, будто мы бессмертные!..»

Ольга ЕФИМОВА

Н. П. Краснова. «Золотой самородок из Хасаута-Греческого». Истории о жизни уникального певца и композитора Анатолия Шамардина. Трилогия. Том 1».

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

пуститься в пространные воспоминания или начать наигрывать драму, но она предпочла иное: раскрыть любимого человека через окружающих его людей. В книге практически не встретишь сентиментальной исповедальности, характерной для мемуарных изданий. Здесь есть нечто более ценное. Случаи из жизни певца подаются или от первого лица (истории об Анатолии Шамардине, записанные Ниной Красновой по памяти), либо в диалог вступают те, кто знал его лично: Евгений Евтушенко, Андрей Яхонтов, Александр Тимофеевский, Тамара Жирмунская, Евгений Степанов...

Образ замечательного тенора раскрывается через детали — «говорящие», живые. Как поступил бы унылый советский человек, узнав, что в гостинице зимой не работает отопление? Скорее всего, смирился бы. Но для голосовых связок певца такая ситуация — приговор. Анатолий Шамардин пошел ва-банк и сказал администратору: «Приедем сюда поздно вечером. Если здесь по-прежнему не будет работать отопление, мы разожжем костры в номере!» А ведь профессио-

налов надо уважать! Отопление, кстати, починили.

Какая тематика больше всего привлекала композитора-песенника? Больше всего — молодежная. Скорее всего, потому что до конца жизни он сохранил веселую, юношескую непосредственность характера. Возраст? А возраст — цифра весьма условная. Как говорил сам Анатолий Шамардин: «И вообще — у человека творческой профессии нет возраста. Кто скажет, что Пласидо Доминго — старый или некрасивый и что у него не такой нос? Главное — он поет так, как никто не может!» И, добавлю, приходится по душе публике.

Увидев, как тепло зрители принимают Шамардина, известный юморист Геннадий Хазанов сквозь зубы процедил: «Публика — дура!» Сказано это было, конечно, от зависти. Публика — всегда одинакова. Где-то в генах у нас записано чувство прекрасного, этот камертон глубокого залегания, который никогда не подводит:

«От плохого голоса, к тому же прокуренному и пропитому, какая может идти энергетика? — только отрицательная, большая, вредная... И зритель не может не почувствовать всего этого. И для меня мнение публики всегда было важнее, чем мнение худсоветов...»

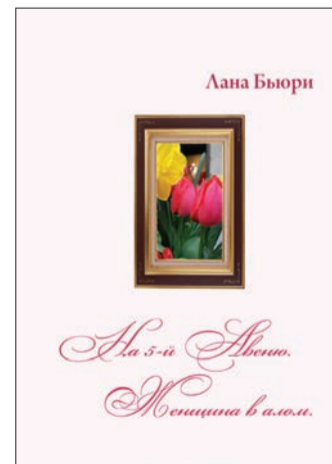
Научить музыкальному восприятию невозможно. Услышать в звуках музыки отражение тончайших душевных движений и выражение серьезных, больших чувств дано не каждому. Но те, у кого есть потребность в красивом звуке всегда, подчеркиваю, всегда, способны отличить черное от белого. Можно не знать нот, можно не разбираться в музыкальных терминах, но если в человеке есть хоть капля доброжелательности, он узнает «свое» в простоте формы поэтического и музыкального языка песен Анатолия Шамардина. Послушав их, многим, я думаю, захочется больше узнать об этом (не побоюсь эпитета) солнечном человеке.

Анатолий Шамардин — выдающаяся личность, непризнанный гений, к которому приходит посмертная слава, благодаря его любимой женщине — Нине Красновой. В самом деле, кто может рассказать о человеке ярче, чем его муза?

Ольга ЕФИМОВА

Лана Бьюри. «На 5-й Авеню». Женщина в алом»

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Красные человечика
танцуют огненный танец желания

на зеленой траве.
Человеческая двуногость не сравнится
со змеиной безногой
ползучестью;

Ноги как стволы
с корнями у тел руками-ветвями
Ритм выбивают.
Тела летают.

Душа парит в высоте.

Творчество Ланы Бьюри показывает нам, что значит доброжелательно и невзычно занимать свое место в этом мире. Очаровательная книжечка карманного формата, в которой автор раскрывает свое потайное, лирическое «я», служит лишним доказательством словам Генри Уодсворда Лонгфелло: «В характере, в манерах, в стиле, во всем самое прекрасное — это простота».

Ольга ЕФИМОВА

НОВИНКИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА». ПОЭЗИЯ

У Екатерины Монастырской есть мистический дар провидеть земные события сквозь борьбу стихий. Книга Екатерины, вышедшая в «Издательстве Евгения Степанова», называется «Третья четверть». Первая мысль у меня была: школа! Учеба после зимних каникул. Однако автор держала в уме и другое. Она думала о четырех четвертях земного пути. И можно было бы, пожалуй, вместо «третьей четверти» сказать «вторая половина». Такое бывает — молодой поэт, только что издавший первую свою книжку, совсем не юн по жизненным меркам.

Недавно в Доме Поэтов, что в Трехпрудном переулке, состоялась презентация книги Екатерины. И там меня зацепило стихотворение «Четверка» (как оно на самом деле называется, я узнал позже, запомнилось на слух только отдельные строки и образы). Это удивительная маленькая поэма о Серебряном веке, увиденная сверху и изнутри. Верховные Начала подготавливают и решают судьбы людей. Это космический взгляд на природу вещей. Так писал Шри Аулобиндо в своей бессмертной поэме «Савитри». Но великий индус писал нерифмованным стихом, а у Монастырской — чеканные, безапелляционные строки, как у Ахматовой в «Поэме без героя», и прекрасные, «штучные», эксклюзивные рифмы. «Могила-могила», «кадр-эскадр», «кают-кают». Монастырская в принципе специализируется на незаезженных рифмах, ведь ее учитель по Литинституту — поэт Сергей Арутюнов, он в этом очень хорошо разбирается. «Четверка» написана восьмистрофной строфой, и нам важно, что автор здесь мыслит именно такой строфой. Укладывать свои мысли и образы в прокрустово ложе размера и строфики — большое искусство. Не могу сказать, что до читателя или слушателя сразу доходит основная мысль стихотворения. Она несколько законспирирована, засекречена автором. А мысль такова: поэты сами накликали на Россию беду, занимаясь оккультизмом, черной магией, в открытую называя, например, Люцифера «своим другом». «Четверка» — это, конечно, запряжен-

Екатерина Монастырская. «Третья четверть»

М.: «Издательство Евгения Степанова», 2018

ные вместе попарно лошади. Причем Екатерина Монастырская, с какой-то одной ей понятной идеей, сначала дает нам «ложную» четверку — «Земля, Море, Небо и Пламя». И только потом выясняется, что это такая авторская «подстава». А настоящая четверка — это Чума, Война, Глад и Мор. В общем, поэма о грехе символизма решена автором... средствами символизма. И в этом есть какая-то высшая правда. Поэма производит ошеломляющее впечатление именно тем, что написана ясно, а задумана сложно и непонятно. Но главное — сила языка. Слушая Екатерину Монастырскую, невольно ощущаешь себя Станиславским и про себя восклицаешь: «Верю!» И это в данном случае — самое главное. А стихотворение «Четверка» вошло в военный цикл «Четырнадцатый год». И здесь Екатерина философски выстраивает своего рода «новое осевое время»:

1814 год — Франция, 1914 год — Россия. 2014 год — Донбасс.

Наверное, каждому читателю, чтобы открыть нового для себя автора, необходим своего рода «крючок»: близкое по духу и пониманию стихотворение. Найдя такие стихи, потом читаешь этого автора уже увлеченно, как друга. Екатерина Монастырская выделяется среди многих наших современников чистотой голоса, твердостью длинных периодов в незатухающей речи. Длинные, изысканно зарифмованные стихотворения — настоящая стихия души поэта. Екатерина Монастырская — тоже ведь не очень короткое имя. Удивительно, как тонко развешаются веером и развиваются умножением сущностей ее стихи. В них фактически нет ярко выраженной кульминации, концовки, ради которой писалось бы все стихотворение. Все — плавно и постепенно, неожиданно и неотвратимо.

Екатерина Монастырская находится в поисках своего лучшего стиля. Она пробует себя как рапсод, как сказительница (стихотворение «Беда»). Лирика и эпос «тянут канат», каждый в свою сторону. Думаю, надо их соединить, нужен только хороший сюжет. У Екатерины замечен интерес к истории, хорошо удаются ей мистические произведения. Иногда даже возникает ощущение, что поэт живет не здесь-и-сейчас, а где-то там, в незапамятные времена. Поэтому такой теплотой дохнуло на меня стихотворение «На страничке моей». Здесь появляется у Монастырской компьютерное словечко «delete», столь любимое современными стихотворцами. Причем я не могу сказать, что лексика Екатерины в принципе старомодна. Отнюдь. Она создает неологизмы, густо использует редкие, как драгоценные камни, слова. Есть в лексиконе Монастырской и просторечные, и даже бранные слова. Поэт сам для себя определяет, какие пласты из богатств родного языка ему использовать. Главное — суметь использовать их уместно.

Страничка поэта в Интернете — это образ идеального мира, который человек творит сам, по своему образу и подобию. Это свое-

го рода телепортация личности в высокие цифровые сферы. По сравнению с конечно-стью отдельно взятого жизненного цикла, такая страничка почти бессмертна. Вот, например, ты куда-то уехал, выпал из Интернета. А страничка твоя — висит, радуется людям, хотя и не обновляется. Замечательное по чистоте — стихотворение Екатерины «Родина». Я люблю, когда поэт говорит о себе от первого лица. Среди таких стихотворений из книги «Третья четверть» я бы отметил еще «Хоть не мягко ты стелешь...». Есть у Монастырской и социальная лирика, с элементами критицизма — «Ода эконом-классу». Как же мастерски Екатерина использует в своих стихах повторы: анафоры и периоды! Умело и всегда — к месту, остро, нешаблонно! Это становится фирменным приемом сочинительницы. Вообще эти два стихотворения — «Родина» и «Ода эконом-классу», на мой взгляд, соседствуют в книге не случайно. Они словно бы образуют некий смысловый диптих, где сперва поэт признается читателю в непоколебимой любви к Отчизне, а потом — критикует то, что ей в родной стране категорически не нравится и «взывает к отмщению». Потолок поэта Екатерины Монастырской настолько высок, что почти не просматривается. Для меня Екатерина Монастырская — надежда русской поэзии. Все у нее есть — надо только «перчатку снять с одной руки и надеть на другую». Нужен жест, или стихотворение, которое стало бы событием в русской литературе. Новых имен появляется много, но на поверку все они готовы стать разве что первыми парнями и девушками на деревне, не более того. Впрочем, многое может решить одно-единственное великое стихотворение.

Хочется напутствовать Екатерину Монастырскую ее же словами: «Таланты под спуд не закатывай!»

Александр КАРПЕНКО

Есть у Эдварда Хирша удивительное стихотворение «Неопределенность». Где-то вдалеке пылают пожары — почти как в Москве страшным летом 2010 года. Пламя в сердце словно бы «ищет» большое пламя вне сердца, во вселенной. «Мир — это вечно живой огонь, попеременно то вспыхивающий, то затухающий», — вспомнились мне строки Гераклита. Эти «пожары» у Хирша, конечно же, метафорического свойства. Маленький огонек в сердце поэта ищет свою амбивалентную сущность в большой Вселенной. Это — горизонт сердца, который существует даже для тех, кто его не видит. Не видит — но, тем не менее, к нему идет.

Эдвард Хирш не совсем «чужой» для нас поэт; его предки жили в Российской империи. Сам он, будучи студентом, отправился в далекую Россию на поиски брата своего дедушки — Залмана Гинсбурга. Еврейская тема мощно звучит в его произведениях.

Если Тютчев выбирает ночь в дуалистическом противостоянии день-ночь, то Эдвард Хирш двумя руками голосует за день. Ночь для него мучительна и потому нестерпима. Это — час нервной бессонницы, невозможности отдохнуть от себя самого. Мы видим, что философия и поэтика автора стихов напрямую зависят от подробностей его души. Человек — пленник своего даймона. В книге «Ночной огонь» есть удивительное стихотворение «Автопортрет», из которого следует, что даже руки и ноги нашего героя порой действуют несинхронно, вразнобой. И, конечно, человек не виноват, что дело обстоит именно так.

Любовная лирика у Хирша — это тоже, как правило, модернизм с примесью сюрреализма. Романтическое свидание вписано в сюрреалистический пейзаж.

Эдвард Хирш. «Ночной огонь»

М.: «Издательство Евгения Степанова», 2018

Помните, как мы сидели в креслах-качалках и любовались горящим кустарником сумерек, прозрачных на расстоянии, языки пламени каракулями по линии горизонта, как подпись, в то время, как течения перемещались внутри нас? Экстаз фейерверков, взлетающих в середине лета, бежевых парусов,

трепещущих в жару и оранжевых буев, качающихся на воде, экстаз вспышек, и тайн, и двух тел, держащийся на плаву желания...

Прекрасный фрагмент! Причем стихотворение называется «Солнцестояние». А действие его происходит в сумерках. Значит, «солнцестояние» для Эдварда Хирша — это не солнце в зените, а молодость и любовь в своем апогее. Кстати, допускаю, что действие происходит во вполне конкретный день календарного года, день летнего солнцестояния. Помните, именно в этот день Гитлер напал на СССР. В этом прекрасном стихотворении есть, тем не менее, одна маленькая синтаксическая неувязочка. Пропущен глагол — там, где он обязательно должен быть. Вот эта строка: «Языки пламени (плясали) каракулями по линии горизонта». Не имея перед собой английского оригинала, мне трудно судить, чья это оплошность — переводчика или верстальщика.

Порой у Хирша в столбик записана... эссеистика. «Шарль Бодлер» — это, конечно, эссе на тему эротической любви, а имя знаменитого французского поэта-декадента служит то ли приманкой для читателя, то ли просто точкой отсчета. Можно спорить с автором. Соглашаться или не соглашаться. Но каждый из нас бывал в любви то в роли палача, то, наоборот, в роли жертвы, и этому посылу американского поэта возражать трудно.

Прекрасны элегические стихи Хирша об исчезнувших еврейских местечках в Польше. Вот только «элегия по еврейским местечкам» звучит, на мой взгляд, как-то не по-русски. Ни разу в жизни не слышал, чтобы говорили, например, «элегия по детству» или что-то в

этом роде. По-моему, тут явно вкрался в стихи какой-то американизм. Конечно, хорошо было бы обойтись без помарок в таком серьезном издании, как книга из серии «Авангарды». Возможно, лучше было бы сказать не «элегия», а «ностальгия по еврейским местечкам».

Поэзия для Эдварда Хирша — это прикосновение к родовой памяти, осознание «смутной, горестной воли к свободе». Он отчетливо и гордо несет свое еврейство; память поэта переполнена деяниями и молитвами предков. Он искренне не понимает, как могли Бродский, хорошо знакомый ему по личному общению, и Пастернак писать, будучи евреями, проникновенные православные стихи. Что ж, каждому — свое. Эдвард Хирш, встретившись со своим родственником Залманом Гинсбургом, испытал ощущение, как будто его визави смотрит в свое собственное отражение. Поэт был «зеркалом» для своего предка. Подобная узнаваемость, двойная зеркальность и творят, по сути, единый народ.

Поэзия Хирша метафорична. «Я задышался внутри времени, думая о приближении пустоты ночи», — говорит поэт. «Бог понял, что Бога нет». Сравните, у Евгения Евтушенко: «Но для Бога в мире Бога нет». Есть некий релятивизм в мировоззрении Эдварда Хирша. Все относительно. Как у Эйнштейна. И в макрокосме, и в микрокосме «человеческого, слышного человеческого». Порой речи поэта парадоксальны. Например — сон для Эдварда — это счастливая возможность «улететь из тела». Бессонница — невозможность отдохнуть от самого себя.

Безусловно, Хирш — поэт города. У него город — живое существо, со звездами, мор-

Окончание на стр. 5

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

СЕРГЕЙ ПОПОВ
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Сергей Попов — поэт. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Дети Ра», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Волга», «Зинзивер», «Новая юность», «Футурум АРТ», «Литературная учеба», «Крещатик», «Подъем» и других. Автор многих книг стихов и прозы (в их числе — Папоротник. Стихи. — СПб: ЛИО «Редактор», 1992; Транзит. Стихи. — Воронеж: Литературный фонд России, 1997; Вопрос времени. Стихи, поэмы. — Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2005; Встречи без продолжений. Роман. — СПб: Алетейя, 2007; Воронеж etc. Книга стихов. — М.: Вест-Консалтинг, 2011; Мыльный пузырь. Роман. — СПб: Алетейя, 2011; Обычай исчезать. Стихи и поэмы. — М.: Вест-Консалтинг, 2012). Победитель Всероссийского литературного конкурса им. Маковского в номинациях «стихи» и «поэмы» (2004). Победитель Международного поэтического конкурса «Перекресток» (Германия) журнала «Крещатик» (2007). Обладатель Специального приза Союза российских писателей Международной Волошинской премии за лучшую поэтическую книгу года (2010). Лауреат премии журнала «Дети Ра» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии литературной газеты «Поэтоград» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии газеты «Литературные известия» за лучшую поэтическую публикацию года (2014). Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр), Союза российских писателей и Союза писателей XXI века. Живет в Воронеже.

* * *

Трубочист возвещает народу, что
не ищите дым, если нет огня —
тормозит, что в нашешком шапито
все возможно — и прямо средь бела дня.

И огонь без дыма — само собой.
А из жерла — запросто конфетти.
Ты на то, что блазнится над трубой,
с придыханьем, право же, не гляди.

Веселись по глупости и любви.
Дым отечества всуе производи.
А момент циркачества не лови —
кто расчислит фокусы впереди?

Дым возьмет и перерастет во тьму.
И угомонится огонь, речист...
И не померещится никому,
чист как отсвет, призрачный трубочист.

* * *

Кончатся вечеру, качаться
вчерашней тени на стене.
Озноб, молчанье домочадца,
улыбка детская во сне.

Плясать, пороги обивая,
ночной метели наугад,
чтоб наша сказка бытовая
предполагала сон и сад,

план заполошного пострела
в сердцах уехать насовсем.
Горит укутанное тело —
и пламень глух, и разум нем.

И раскаленным нетерпеньем
померкший мир заворожен,
предколыбельным беглым пеньем,
калифьей властью, страстью жен,

визиря лъстивым мадригалом,
Евфрата мутною водой,
кинжалом тайным, платьем алым,
кунжутом с цедрой молодой.

Идет садовник в недрах сада,
идет свечение от реки
сквозь переплясы снегопада
и пригородные дымки

в берлогу вирусной дремоты,
в горнило липких одеял,
ведь счастья северные льготы
еще никто не отменял.

* * *

Воздух закатный радужен и тягист —
как бы сказала одна знакомая: «Просто жуть!»
Ранним да шустрым выдался, был шпажист.
Но лишь на схватку с тенью ухватка есть».

Холод шершав и на ощупь почти ребрист.
«Что же, — ответил бы, — нет на тебе лица?
В жизни шпажистом не был — лишь рапирист.
Да и к тому же в детстве и слегонца.

Если и слышала часом клинковый звон,
не соблазняйся верить ушам сполна.
С тенью запал соперничать вышел вон —
эта безумная нынче сошла волна».

«Сам ты с дорожки уже навсегда сошел.
А у теней оружие не звенит». —
выдаст она, поправляя на шее шелк,
прежде чем молча уставить в зенит.

Там зацветает в кровавых прожилках тьма,
гардой луны салютуя Дюма-отцу.

И в никуда летит «Не сходи с ума.
Это тебе нисколько не к лицу.

Брось этот детский бред, чумовой прикид,
зуд фехтовальный, мальчишковый расклад.
Видишь, как жизнь куражится и горит,
и заставляет плясать на закат?»

Что возразить упрямыце — хороша
в негодовании сумеречном своем!
Знал бы, где звон — не хватило бы куража
на огневой надеяться окоем.

* * *

Стройка выдохнется. Затем
подоспеет черед другой...
Время не замечает стен
за своей круговой кугой.

Сколь с черченьем не ворожи,
не прилаживай сопромат —
этажи твои, витражи
словно на постромках висят.

Хоть сознание настропали,
хоть его запусти враспыл —
пропасть времени до земли
от воздушных твоих стропил.

Все приделано вкривь и вкось —
дом для будущего негож.
Вновь и вновь — оторви да брось
весь свой кажущийся чертеж.

Линий вымышленных слезу,
перекрытий бесплотных блажь...
Но готов с полтычка внизу
к восхождениям карандаш.

НОВИНКИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА». ПОЭЗИЯ

Окончание. Начало на стр. 4

ским портом, небоскребами, огненным закатом. Эдвард очень хорошо знаком с мировой литературой, он глубоко понимает творчество своих коллег по перу. Его стихи пронизаны любовью к творчеству Исаака Бабеля, Пауля Целана, Марины Цветаевой, Иосифа Бродского и многих, многих других поэтов, писателей и художников.

Есть как минимум одно важнейшее обстоятельство, причина, по которой английские стихи Хирша должны быть переведены на русский язык. Его мощнейший цикл стихов о блокаде Ленинграда. Эдвард Хирш кровно связан с этим прекрасным русским городом. Он переживает эту трагедию как свою личную. Поэзия Хирша живописна, она строится на перетекании одной картинке в другую. И здесь, в блокадном цикле, это становится неубиваемым козырем поэта-художника. Точная картинка порой работает сильнее, чем проповедь. Я плачу над строками Эдварда Хирша — поэта, в общем-то, не сентимен-

тального. Но у любого автора есть тема, внутри которой он вестник, глашатай и пророк. Он — живая память. Я убежден, что тема блокадного Ленинграда «смыкается» у Хирша с темой Холокоста. Поголовное истребление жителей одного города сродни поголовному истреблению людей одной нации. Это страшно. Это недопустимо. Эту тему нельзя писать вполнакала. Здесь нужно отдать всего себя. Я рад, что у Эдварда Хирша это получилось. Я очень благодарен ему за это.

Удивительно стихотворение Хирша «Бедные ангелы». Ангел воспаряет вверх, а земной человек в это время летит вниз. И вот, на короткое время встретившись в полете, ангел и человек мечтают о совместной жизни, невзирая на диаметрально противоположный характер своего движения. Им удается-таки задержаться вместе в любви на некоторое время. Глубокий замысел, выдающийся в Эдварде Хирше первоклассного поэта!

Хочется сказать добрые слова и о переводчице книги, Анне Гальберштадт. У Хирша достаточно сложная стилистика;

всему этому смысловому и образному разнообразию непросто найти русский эквивалент, постоянно проживая в англоязычном Нью-Йорке. Но, в общем и целом, Анна со своей трудной задачей справилась.

Пожалуй, мировая еврейская скорбь доминирует в произведениях Эдварда Хирша, и я отношусь к этому как к данности. Но ведь можно прочесть эти стихи не залпом, а медленно, по капельке, гомеопатически. А дозированная грусть, как хорошо темперированный клавир жизни, делает нас сильнее. «Мадам Печаль осушит мои слезы, и я скажу: «Спасибо Вам, мадам!»»

Александр КАРПЕНКО

КНИЖНАЯ ПОЛКА. ПОЭЗИЯ

Нарастающая сложность внешнеполитических проблем, требующих разрешения, казалось бы, не оставляет сотрудникам министерства ни минуты свободного времени. Читая «Смоленку в стихах», я радовалась за авторов, которым удалось сохранить свежесть восприятия мира, несмотря на долгие годы работы в стенах монументального строения, увенчанного металлическим шпилем.

Какое место в жизни профессионального дипломата занимает творчество? Знаменитая «сталинская высотка» на Смоленской площади собрала под своей крышей выдающихся личностей, прячущих под врожденной скрытностью умение улавливать малейшие оттенки слова. Стоит ли удивляться, что коллективный сборник поэтов-дипломатов, выпущенный в 2018 году, по уровню литературного мастерства не уступает книгам коллег, не обремененных долгом перед Родиной, а его авторы регулярно печатаются в толстых журналах?

Одно из важнейших свойств лирики – непосредственность и прямота самовыражения. То, чего государственный служащий не может себе позволить в рабочее время, все же прорастает, как березка сквозь асфальт, пускает корни, дает молодые побеги. Не случайно литературно-творческое объединение при МИДе называется «Отдушину». Бумага принимает эмоции безусловно и молчаливо. Лирический поэт, однако, освещает в стихах далеко не все пережитое, но изливает потаенное, невыстраданное. Так, размышляя о прошлом, укоряет себя лирический герой Владимира Казимилова:

Сколько лет на службе пролетело!
От безделья сроду не скучал.
Только будто
    свора недоделок
То и дело зло и оголтело
Сны мои кромсает по ночам.

**«Смоленка в стихах:
антология авторов-
сотрудников и ветеранов
МИД России»**

М.: «Новый Ключ», 2018

Только подумайте: человек, который, в частности, занимался мирным урегулированием в Нагорном Карабахе, сетует о своих ошибках. Другой бы на его месте выпятил грудь: мол, я миротворец, любите меня все, но настоящий дипломат обязан обладать чувством такта.

А нынешний министр иностранных дел Сергей Лавров! По моему глубокому убеждению, если бы основная работа не забирала у него так много времени, этот человек стал бы маяком современного литературного процесса. В жизни он довольно «неудобен» для оппонентов: вопросы задает четко и по суще-

ству, ставя на первое место интересы России. Его непреклонная позиция нередко вызывала у Запада плохо скрываемое раздражение. В стихах он не менее резок и в то же время – как никогда уязвим:

Мне плывать, кто там был, что там было,
    зачем
    и почем.
Мне плывать, сколько минуло лет
    и осталось минут.
Я вливаюсь в тебя в половодье
    воскресшим ручьем,
И меня, обнимая, твои берега берегут.

Ключевой элемент композиции лирического произведения – его концовка, разряжение возраставшего эмоционального напряжения, итог размышления, обобщение частного случая. Сергей Лавров заканчивает стихотворение словами, которые нельзя ни обесценить, ни опровергнуть.

Отдельное место в сборнике занимают стихи Геннадия Русакова. Он награжден почетным дипломом Союза писателей России «Ф. И. Тютчеву – 200 лет», а в 2014 году стал лауреатом национальной премии «Поэт». Несмотря на высокий статус, поэт с почтением относится к «непрестижным» профессиям – слесарь, токарь, водопроводчик:

Всем умельцам – хвала! Всем, тычком
    открывающим пиво,
притирающим поршни, врезающим
    в доме замки.
Я лишь слово могу, только слово ко мне
    не спесиво...
Мне язык выше крови, и мы по нему
    земляки.

Это уважение к простым людям, понимание, что «высокие» человеческие потребности – в красоте, в искусстве – ничуть не

«ниже» обыденных, бытовых, вызывают мое глубокое почтение и благодарность. Русские дипломаты всегда были вместе со своим народом, переживали с ним горе и радость, боль поражения и гордость побед. Поэты-дипломаты сегодняшней России твердо убеждены, что есть нить, связующая язык дипломатии и поэтическое творчество – политическая мысль, транслируемая через краткое, емкое художественное слово.

И все же, кто он – настоящий дипломат? Поэт или чиновник? Романтик или реалист? С неожиданной стороны раскрывается бывший мидовец и премьер-министр Евгений Примаков, который остановил хозяйственную катастрофу в 1998-м. Редактор-составитель В. Н. Казимиров поставил в мемориальную подборку простое и нежное стихотворение:

Доктор, с вами мне стало надежнее.
Дело даже не в медицине,
Просто жизнь у всех очень сложная,
А глаза у вас все-таки синие...

Так пишет о любимой женщине человек, развернувший свой самолет в небе над Атлантикой в знак протеста против бомбардировки Югославии. СМИ потом назовут этот поступок «красивым жестом, далеким от политики». Я бы сказала – это жест поэта и гражданина.

Писать стихи, на мой взгляд, гораздо труднее, чем официальные документы. Намного проще выкладывать мысли, не заботясь при этом об их ритмической согласованности и красоте будущего восприятия. Руководство МИДа давно говорит: «Дипломат – профессия творческая!» В этом легко убедиться, открыв «Смоленку в стихах».

Ольга ЕФИМОВА

В 2018 году увидел свет второй сборник современной поэзии «Глагол». Составители – поэты Виктор Петров и Виктор Тихомиров-Тихвинский – вложили в очередное издание немало сил. Как и год назад, в книгу вошли произведения высокого художественного уровня, а принцип равноправия, по сравнению с предыдущим выпуском, расширил масштаб: вместо трех, каждому автору отведено пять страниц.

Многие авторы вторично представили подборки стихов с четкой ритмической структурой. Из дебютантов сборника хочется отметить Татьяну Щербинину, автору сайта «Стихи.ру», получившую право публикации наравне с выдающимися поэтами – Мариной Кудимовой, Мариной Саввиных, Андреем Шацковым. Впервые в стройную цепочку силлабо-тоников вплелось звено верлибра: Лула Куна наполнила предоставленное ей место пространными, колоритными произведениями.

Подзаголовок «Карта современной поэзии» подчеркивает, что все произведения – множество психологических состояний – объединены общей целью. Средства передачи мыслей – эпитеты, метафоры, ритм – подчинены мощному намерению: сориентировать читателя на местности, дать максимально точное представление о России грамотной, думающей, интеллигентной.

Как интеллигент относится к окружающим? Доброжелательно и с уважением. Евгений Степанов в стихотворении «Письмо» размышляет об одиночестве, хамстве и способности вести себя достойно, независимо от обстоятельств:

Кто-то должен ранью пряткой
Шить цветные паруса.
И шивать волшебной ниткой
Пух земной и небеса.

Небеса – это наши устремления, а родная земля – наша сила и слабость. О священности силы земли, рождающей все живое и прини-

**Глагол. Карта современной
поэзии. 2018**

Сост.: В. С. Петров,
В. А. Тихомиров-Тихвинский.

Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону:
Дониздат, 2018

мающей отжившее, рассуждает Наталья Лясковская в стихотворении «К земле»:

...и бабынастин зов все четче и сильней
унученька вернись на землю
даже ниже
работать чтоб на ней
покоиться бы в ней

Автор тиха и прямолинейна: образ бабушки-крестьянки призван восстановить утраченную связь поколений. Слышится голос Есенина, который в стихах объединял в единое целое мать-землю и мать-женщину. Только современные женщины слишком оторвались от земли – живут в городах, клацают по клавиатурам электронных устройств. Уже не мама, но ветхая бабушка манит назад, к истокам. Однако зов ее все громче, и длинное стихотворение-отрицание: «не надо встав к

пяти накидывать осинку / заклею как луб всю в мольных вензелях», заканчивается обращением к земле, к давно ушедшим близким. Это своего рода социальный маркер, объединяющий «своих» и отсекающий «чужих».

Что касается города, то индустриальная среда, вопреки устоявшейся традиции, далека от образа буржуазной и паразитирующей столицы. О родном Петербурге торжественно и размашисто ведет речь Наталья Гранцева:

Мой Невский, ты – прожектор маяка,
Александрия книги и свободы,
Ты будущего тучная строка,
Ты – басня, и трагедия, и ода.

Поэтизация городского пейзажа, блеск хвалебной строки – все это говорит о высоком патриотизме восторженной петербурженки. У каждого города есть свой неповторимый лик, и представитель интеллектуального класса делает все, чтобы он стал еще краше. Интеллигент – пламенный патриот: родина у него одна, и о ней нужно радовать, как о величавом Петербурге, так и о забытых Богом уголках.

О провинции, о забудыжной глубинке, где «деревья в панике застыли», повествует Максим Ершов. Вид из окна – невзрачный пейзаж – моментально преображается, когда в комнату входит любимая женщина лирического героя:

Пусть поцелуй закроет небо,
чтоб небо снова стало шире,
чтоб с места тронулись деревья
и воспарили облака.

Каким чутьем ты знаешь недра
и знаешь все о горьком мире,
и почему так пахнет медом
твоя прохладная рука?

В любовной лирике, да и не только в ней, очень важна глубина подачи материала. Настоящее стихотворение всегда полномерно, о чем бы оно ни говорило. Так, напри-

мер, Геннадий Красников обыгрывает известную русскую поговорку:

Береженого, Бог – так меня бережет –
Не велит на кисельный ходить бережок.

Крепко держит в Своей справедливой
руке –
«Не проси!..» – не пускает к молочной
реке.

Если заглянуть в словарь, то мы увидим, что слово «береженный» означает «осторожный, осмотнительный» и невольно вспомним продолжение, отсылающее нас в места не столь отдаленные. Однако копнем глубже и подумаем не о них. Поэт ведет нас к евангельскому напутствию «Не искушай Господа Бога твоего», чтобы мы помнили о вторичности своей воли, просили у Всевышнего только того, что соответствует Его замыслу.

Авторы со всех концов страны пишут о самом важном – о земном и небесном, о бренном и непреходящем.

Быстро, сумбурно, имитируя хаос взвихренных порывом ветра осенних листьев, описывает момент перехода в вечность Геннадий Калашников:

когда-то закончится этот сон, уймется
    пламени гуд,
и я вскочу в золотой вагон, везущий
    на страшный суд,
конец октября, и верхушка дня в золоте
    и крови,
живи без меня, живи без меня,
    живи без меня, живи.

Что ж, будем жить. И пока сердце человека работает, оно способно отзываться на окружающую действительность с пониманием и состраданием. Не дать остыть читателю – задача, с которой авторы и составители второго «Глагола» справились более чем достойно.

Надежда ДРОЗД

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Первая книга — стихи, вторая — и стихи, и проза, и сочинения для театра. «Один из смыслов поэзии, — говорит Попов в тамбовском издании, — заставлять слова высвобождать ту стихию, которая в них присутствует, но никоим образом в букворяд не укладывается», — и следует этому идеально. Его стихотворения производят именно такое впечатление: они — «приключения» со словами, встречи слов, нанизывания образов, рожденных словами, слова, которые «собираются» в смыслы. Поэту достаточно вспомнить или увидеть какую-нибудь деталь — и все, стихотворение берет разбег, разворачивается, ширится; причем с такой скоростью, что я едва успеваю за авторской мыслью — не отставая, однако, от движения авторских эмоций; строфа за строфой — и я понимаю, что главное у Попова — праздник разноголового ассоциативного ряда, плотное цветное кружево; в его стихотворение всматриваешься только когда оно уже завершено уверенным росчерком, представлено в своей цельности; то есть когда можешь удержаться, чтобы не перечитать его. Природа, время года, воспоминание, длящийся сию минуту ощущения, наблюдения, переживания — все взаимопроникновенно, все неразделимо — и крепко прошито внезапными метафорами, заставляющими взглянуть на мир по-новому, заново узнать его. Лексический запас настолько богат, что иной раз поэт кажется даже расточительным. Не выходя из рамок русской классической традиции, он вскрывает глубинные возможности поэтической речи, и они видятся неисчерпаемыми — как неисчерпаем русский словарь. Язык Попова не близок к разговорному — он скорее литературный, с редкими, как бы равноправными вкраплениями простых словечек; да это ведь и понятно, поскольку задачу свою поэт определил в одном из своих стихотворений так: «прилаживать к жизни глагол!» То есть жизнь и глагол одно. Пожалуй, так же остро, «жизненно» и «литературно» мыслил Пастернак: разве не пастернаковский темп берет зачатку Попов?

Смазливый день раскинет створки,
и обольстительно сверкнут

остроколенные пригорки
и жерла рухнувших запруд.

Или еще пример:

Штормовая майская погода.
Полузатонувшие дома.
Воротившись ночью из похода,
сходишь от бессонницы с ума. <...>

Там ничуть не яблони и груши,
потому как море — не река.
Все ошеломительней и глуше
тонут в нем дома и облака.

И молчанье словно стекловата
перепонки мучает сполна —
точно речь до точки виновата
в том, что обесточена луна.

Начнешь приводить примеры — трудно остановиться. Вот я листаю вновь и вновь две книги Сергея Попова — и останавливаюсь на стихотворении, где «разрезают грянувший виноград/ и дробится гроздьев его струя», где «выкипает воздуха кипятилок», и где —

Прогорает день до глазного дна,
в толще мякоти будущему вину
вся изнанка ночи уже видна
грозовым размером на всю страну.

Это поразительное видение пространства не напоминает ли финальный размах стихотворения пастернаковского, где «хвосты луны стоят до края света/ Чередой ночных садов без перерыва»? (Конечно, аукается и Николай Асеев: «строки — на размер страны,/ вровень звездам небосвода...», но это, конечно, случайность).

Сергей Попов-прозаик — обаятелен, философичен, нетороплив; во второй книге он выступает как художник-мемуарист, эссеист и писатель психологического толка одновременно; он открыт, раскрепощен и слегка ироничен (или — «лукав», пользуясь его же определением). Что отличает прозу Попова? Культура письма, безупречная, несколько архаичная книжность («Ленивые прогулочные катера безмятежно дремали у

ного относительно тварному бытию». То есть это понятие «обнимает» все три потока времени: прошлое, настоящее и будущее.

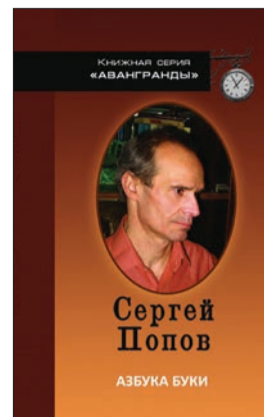
Алексей Юрьев, будучи материалистом, трактует это понятие следующим образом: Абсолют — Время — Великая Банальность. Он неоднократно подчеркивает: в книге не встретишь великих открытий — ни в области далекого прошлого, ни в области фантазий по поводу неопределенного будущего. Тем не менее, свежесть формы и красота языка, а также содержательность, сопоставимая с глубиной философского трактата, делает авторские высказывания удивительно насыщенными: «Свежий ветер перемен не только уничтожает или уносит мусор прошлого, сколько перекладывает его на другое место, этот ветер — не дворник».

Диалог с читателем проходит в свободной, непринужденной форме, что характерно для жанра эссеистической прозы. Отсутствие фабулы и малая форма, в свою очередь, усиливают афористичность текста. Краткость, сжатость высказываний автора делают их легко запоминаемыми и очень удобными для цитирования: «Старая пословица на советский лад: слово как воробей, оно-то вылетит, а поймают и посадят тебя».

Абсолют — это то, что является пределом устремлений, но в действительности достигнуто быть не может по причине недостаточности, ущербности, несовершенства реальных средств. Поскольку максимум недостижим, реальный человек всегда остается в состоянии неудовлетворенности, пропасти, лежащей между абстрактным и конкретным. Этот разрыв весьма тяжело переживают творческие люди. Например, поэты: «Поэтами становятся люди, которым не только не дали

Сергей Попов. «Азбука буки»

М.: «Издательство Евгения Степанова»,
2017

Сергей Попов. «Отдел теней и лавров»

Тамбов: ООО «ТПС», 2017

пристани»; «это был обязательный ритуал, предваряющий все мои тогдашние труды и дни»; «бег приводил меня в чувство, сообщал вкус к предстоящим перипетиям», — это всего лишь из двух маленьких абзацев), — думаю, все эти «безмятежно», «предваряющий», «сообщал» подходят скорее для эссе, нежели для изящных этюдов. Однако без оговорок признаю пьесы Попова, их всего две —

«Воспоминания о сексе» и «Портвейн как портвейн»: невозможно высоко не оценить знание темы, живость диалогов-монологов и обезоруживающий юмор.

А вообще, проза Попова дарит прекрасные напоминания о ценности жизни и, я думаю, дают ключ к его стихотворениям. Вот, например, слова из «лукавых мемуарий», давших название тамбовской книге: «Не давайте выветриваться радости. Не относитесь к ней как к само собой разумеющейся штуке. Это товар штучный и скоропортящийся. Так не потакайте порче!»

Стихи Сергея Попова и не дают выветриваться радости. Были бы читатели... Но есть они или нет? У автор ответ двойственный:

Прежде чем вымолвить, медлишь
который раз —
будто избыток речи тебя слепит,
и на поверку свет состоит из фраз —
как из зеркал и проволочек — софит.

Будто бы слово предполагает зал —
темный, с возней и кашлем, фольгой
конфет —
и если ты, что обязан, во тьму сказал —
там обязательно вспыхнет ответный свет.

Будто бы шепот, ерзания, смешки
от сотрясений всуе воздушных масс
пухом июньским вспыхивать широко
до холода по коже и слез из глаз.

Смотришь в июнь и пристально
говоришь:
«Вот и сезон заканчивается речей.
В кои-то годы преобладает тишь —
даром, что кровь плеще прежнего горячей».

К небу язык прирастает, мелеет мгла,
зал непомерно ширится в никуда.
Публика все по глазам прочитать могла,
только ее не отыщешь уже следа».

Не отыскать следа? Ну и ладно. Кто услышал и прочитал — тот уж обязательно запомнил это имя — Сергей Попов.

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

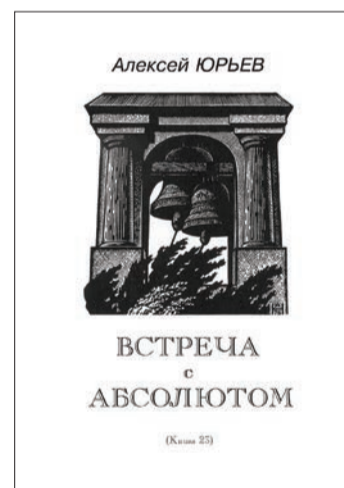
Писатель Алексей Юрьев — человек высокообразованный и скромный, что в наше время большая редкость. В своей новой книге автор не претендует на исчерпывающую истину, более того, в предисловии он называет только что вышедший сборник эссе «частицей многократного эха, то есть того, что не раз прозвучало в пространстве и времени». Что ж, все правильно: на свете не существует абсолютно оригинальных произведений. Как известно, история имеет свойство повторяться, а вся прозаическая художественная литература, если обобщать, сводится всего к четырем сюжетам. Не ставя себя в центр внимания, автор, следуя канонам жанра эссе, излагает в книге свои индивидуальные соображения и впечатления по конкретным поводам: «Банальность — родная сестра мудрости или оборотная ее сторона».

Малоформатные тексты, по манере изложения родственные отрывкам из личного дневника, разбиты на несколько тем. Автор рассуждает о мире, о политике, о поэзии, наконец, о женщинах. Афористичность стиля роднит эту книгу с «Максимами» Ларошфуко. Так же, как забава с парадоксами привносит в серьезную моралистическую интенцию автора «Максим» дух веселого, непосредственного отношения к жизни, так и Алексей Юрьев излагает свои наблюдения о жизни доброжелательно, как бы посмеиваясь: все это, мол, банальности.

Что же такое Абсолют? Словарь дает такое определение: «религиозно-философская категория, используемая в христианской философии и христианском богословии для обозначения совершенного нетварного Божественного бытия, противополож-

Алексей Юрьев. «Встреча с Абсолютом»

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

выговориться, но и заставляли внимать бесконечной чепухе общественной и пошлости обыденной жизни».

Поразительно точное наблюдение! Вот вам еще одно доказательство, что люди веками не меняются. Внутри их те же нравственные вопросы, проблемы. И если Пушкин писал, что он «чувства добрые лирой пробуждал», то воскреснуть они могли только у тех, в ком изначально были. А научить негодяя быть добрым не в состоянии даже «солнце русской поэзии». Неспроста эпиграфом к стихотворению «Поэт и толпа» сделалось латинское изречение «Procul este, profani» («Прочь, непосвященные»). Ведь поэзия — удел избранных.

О поэзии, с которой неразрывно связана его жизнь, автор говорит особенно горячо: «Страстность — лучшая черта поэтического таланта: если угодно, это его душа». А правда ведь! Если нет в характере страсти, человек обрекает свои зарифмованные произведения на медленную смерть. Он в лучшем случае — рифмовальщик. Текстовик. Но поэтом его назвать трудно. Возможно, его приятно читать, но отсутствие страсти нельзя компенсировать ни богатством словарного запаса, ни четкостью формы.

Более развернутые наблюдения автора носят характер дневниковой записи: «Цитата из реальной жизни: умер муж, и на помине в сороковой день вдова говорит, обращаясь к покойному: «Ну, Колька, я сделала для тебя все, что могла. Дальше уж ты сам пробирайся!» Пробирается и по жизни было для него делом привычным». «Хищный» глазомер Алексея Юрьева проникает глубоко в происходящее и показывает парадоксальную суть нашей суетной жизни. Логически парадоксы земного существования кажутся непостижимыми, но вместе с тем они весьма правдивы.

Художественная ценность произведения очевидна, ибо только острый ум, помноженный на литературный талант, способен создать такую строку: «Явление красоты разрывает обыденность — это и есть счастье». Скупая форма, скрывающая в себе глубокое философское содержание, универсализм психологических обобщений, уважительное отношение к читателю делают книгу Алексея Юрьева достойной быть прочитанной от корки до корки.

Надежда ДРОЗД

ИНТЕРВЬЮ

ИНГА КУЗНЕЦОВА:

«ОНА МНОГО СДЕЛАЛА САМА И МНОГОМУ НАУЧИЛА ДРУГИХ...»

— Инга, ты работала вместе с Татьяной Бек в академическом журнале «Вопросы литературы». Я помню, вы даже сидели в одной комнате. Я к вам приходил. Какая Татьяна Александровна Бек была редактором?

— Женя, спасибо тебе за саму идею и задачу твоей книги, за то, что ты хранишь в себе замечательную, «штучную» и незабываемую Татьяну Бек.

Я пришла в «Вопросы литературы» в студию литературных критиков к Л. И. Лазареву студенткой 3 курса факультета журналистики МГУ, и тогда мы еще не были знакомы с Татьяной Бек, хотя она там работала, а на 5 курсе лично к ней — со стихами (мне был 21 год, у меня уже были первые публикации в журналах и выигранный студенческий конкурс) — меня отправила куратор моего курса Мария Лукина. И она, и Татьяна Бек — они были друзьями детства, детьми «писательской диаспоры» в районе метро Аэропорт, если я ничего не путаю. Я так волновалась, что перед встречей с Таней в редакции (а это была поздняя осень) уронила белый берет в лужу, и смущалась, протягивая машинописные листки со стихами (желтые страницы, непропечатанные мягкие знаки...) — в той самой комнате, в которой мне потом предстояло работать. Стихи ей понравились, а я, похоже, показалась странной — и это тоже понравилось. Она предложила мне взять интервью у Тимура Кибирова, дала несколько советов, и все получилось, оно вышло в «Воплях», а стихи потом частично появились в «Волге» и «Арионе». Когда я заканчивала журфак, в «Воплях» освободилось место, и Татьяна Бек уредила Лазаря Ильича пригласить меня: надо освежать состав редакции. Мне она сказала: да, у нас мало денег, но зато не пятнадцатка и, главное, ты увидишь всех действующих писателей, войдешь в круг. Я была там тогда единственной «дочерью полка» — коллеги годились мне в отцы-матери или дедушки-бабушки. Это была передача какой-то ценной традиции.

А Татьяна Бек была моей лучшей редакторской, критической и отчасти поэтической школой. Мы проработали вместе почти шесть лет и постоянно общались в это время. Это были разные годы в жизни журнала, в том числе и трудные времена — в конце концов она по разным причинам ушла, а меня вскоре переманили в «Октябрь» редактором отдела прозы (это был новый интересный поворот, а без Тани «Вопли» стали куда более пресными).

Каким она была редактором? С ней бывало непросто тому и тогда, когда он в чем-то недорабатывал. Она высоко относилась к литературе и литературной работе, сама была трудолюбивой и не выносила халтуры нигде и ни в чем. Она сама себя никогда не щадила ради текста, она выкладывалась полностью. Авторы, работающие с ней, сразу чувствовали это. Халтурщики (а в «Вопли» — очень редко — приходили раздувшиеся фейковые фигуры, я довольно быстро научилась видеть их) ее тайно побаивались. Но к тем, кто приносил нечто оригинальное и самостоятельное, она была очень чутка, очень тактична. Она не теряла ни одного поворота мысли в редактуре статьи. Она была очень деликатна в работе со стилем и убеждала в необходимых изменениях, давала необходимые ссылки и даже личные книги. Она все чувствовала и, конечно, обладала даром убеждения. И более, чем кто-либо другой, могла восхититься ярким эссе, статьей — искренне и бескорыстно — и пойти предлагать их в другие издания, если по каким-то причинам «Воплям» они не подо-

В издательстве «Судьбы выдающихся людей» готовится к печати книга Евгения Степанова «Татьяна Бек — поэт и человек...» В книге, в частности, будут опубликованы интервью с людьми, которые хорошо знали Татьяну Александровну.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию беседу с поэтессой Ингой Кузнецовой, которая работала вместе с Татьяной Бек в журнале «Вопросы литературы».

Редакция

шли. Понравившегося автора «с улицы» она была готова протезировать.

Она поддерживала молодых, застенчивых и неопытных. Не только меня (Настя Гостева, Ольга Иванова, Сергей Арутюнов, Иван Волков — первые, кто пришли в голову, а их было больше). Например, она не только советовала мне поначалу, какие стихи отобрать для публикации, но и сама посылала их в журналы со своей рекомендацией — или отправляла меня в редакции, предупреждая мой визит звонком. И я могла не говорить много слов заплетающимся от волнения языком — просто оставить тексты и подтвердить ее слова. У меня были уже первые публикации к моменту знакомства с ней, но я была интровертна и не могла просто так заявиться в «Арион» или «Новый мир». Поддержка ее как опытного поэта и редактора поэзии, и старшего друга в моем раннем старте неоценима. И я счастлива от того, что она любила мои стихи. В отзыве на обложке первой книги «Сны синицы» она написала потрясающие слова, начинавшиеся так: «Я не просто люблю стихи Инги Кузнецовой — я им изумляюсь, ибо сама так не умею...» Женя, ты можешь себе представить такую степень душевной щедрости? Я никогда не забуду того литературного аванса, который мне выдала Таня Бек. Может быть, со всеми сложностями, но все-таки у меня получилось вылупиться вполне именно потому, что она заранее видела во мне эту будущую взрослую птицу. Заранее видела. Там, в этих ее словах на обложке, ключевым словом была «окрыленность». Да, окрыленность — именно это было в ней самой, и на это она реагировала в людях.

Она была для нас еще и учителем трезвого взгляда на себя. «Я буду честная старуха...» — вот это. То, что текст и логика его движения важнее его автора, и фирменная усмешка над собой, и радикализм умного взгляда, и независимость

общественной позиции, и отчетливость и цепкость фразы, и поиск дальнего смысла — все это было и в ее поэзии, и в критике, и в ее литературоведении, и в ее дружеском общении. Ей нравилось странное и порой гротескное, и она была ярким рассказчиком. Она много сделала сама и многому научила других. Я гораздо более суггестивна и иррациональна в своих текстах, но люблю многие — такие внятные — стихи Татьяны Бек, ценю многие ее книги. И очень люблю книгу «Облака сквозь деревья». Вот такое облако — большое и необычной формы — и есть сама Татьяна Бек.

— Согласен, Инга. Я тоже всегда чувствовал заботу и любовь Татьяны Бек.

— Да, она любила своих авторов. Любила своих друзей. Любила своих учеников, и нам трудно было впасть в зависимость от ее внимания. Она, конечно, была авторитетом в критике и поэзии для молодых (а после полугода общения с ней в рабочем режиме в «Воплях» я была приглашена в ее с Сергеем Ивановичем Чуприниным поэтический семинар в Литинституте и могла вполне прочувствовать, как честно и тонко, как продуктивно и терпеливо она была способна разбирать тексты начинающих и «подающих надежды»). Она любила талантливых людей вообще, она их распознавала сразу. Может быть, это нескромное признание, но однажды она сказала мне, что мой дар буквально написан у меня на лбу. Она сказала это так рано и так прямо, что у меня слезы наворачиваются на глаза при воспоминании об этой решительной поддержке вечно сомневающегося в себе неопыта.

Татьяна Бек была очень ярким, страстным и пристрастным, душевно щедрым — и резковатым в своей любви человеком. Она была очень настоящей. Характерной и не скрывающей своего удивительно рельефного характера. Одаренной и бескомпромиссной — как большой подросток практически. Татьяна Бек была прекрасным человеком, что называется, в полный рост. Я любила ее. Я бывала у нее в гостях, она приезжала ко мне на свадьбу. И на кладбище к ней я пока приехать не могу — не могу этого вынести... Хорошо, что ты спрашиваешь о ней.

У Татьяны Бек был, конечно, очень высокий уровень осведомленности во всех тенденциях существующей культуры, высокий уровень культуры и разборчивости, причем она, при очень четких своих вкусах, могла отдать должное чему-то стилистически чужому для нее, но объективно сильному. Грубо говоря, она читала и Батая, и Деррида. Она была большим профессионалом, крупным редактором, человеком дела, и умела работать с людьми, вдохновлять и поддерживать их — ради дела. Сейчас я бы сказала, что, помимо всего прочего, помимо полной осуществленности ее поэтического и литературно-критического дарования, она была экстравагантным и требовательным — и очень успешным «литературным продюсером». С ней было очень интересно разговаривать о конструкции текста, о смысле. Например, ей нравилось, что я учусь в философской аспирантуре — она считала это полезным для занятий литературной критикой, которые она во всех учениках поощряла (связала меня с отделом критики журнала «Знамя», я начала писать им рецензии и статьи).

Трудно нам всем сейчас без Татьяны Бек.

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства — первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрѳ, Андрей Ширяев, Анатолий Кудрявицкий, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацуба, Ян Бруштейн, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Александр Тимофеевский, Сергей Попов, Сажа Вепревадзе и др.

Книги выходят по инициативе издателя — кандидата филологических наук, Президента СП XXI века Евгения Степанова.
Адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

ЕЛЕНА ФЁДОРОВА

ПРОТУБЕРАНЦЫ ЛЮБВИ

(Фрагмент из книги «Метроном вечности»)

Лёля и Михаил отпраздновали бриллиантовую свадьбу. Шестьдесят лет вместе! Кто бы мог подумать? Дети выросли, родились внуки, правнуки. Их семейное древо крепко и ветвисто. Они счастливые люди. От Гоши дочь и внучка. У Тани трое детей, шестеро внуков и три правнука.

Несмотря на то, что жизнь была непростой, Лёля и Михаил сохранили любовь, доверие и нежность друг к другу. Все, вроде бы, хорошо, но паутинка, оставшаяся в Лёлиной душе, тянет ее в прошлое. Тянет сильнее, чем корабельный канат. Нет сил сопротивляться.

— Вернись, вернись, вернись, — непрерывно стучит в висках Лёли. Нет больше сил сопротивляться, и Лёля заявляет решительно:

— Миша, я еду в Сибирь.

— Ты уже билет? — он оторвался от чтения газеты, посмотрел на жену поверх очков.

— Еще нет, — она улыбнулась. — Я просто решила туда поехать. Решила только что.

— Ну, раз решила, поезжай, а я воздержусь. Не двадцать уже, чтобы по местам боевой славы путешествовать. А ты поезжай. Поезда сейчас хорошие, не то, что раньше — теплушки.

— Спасибо тебе, родной, что отговаривать меня не стал, — она погладила его морщинистую руку.

— Я тебя, Лёлочка, понимаю, — Михаил снял очки, отложил газету. — Мы с тобой хоть и доисторические древности, но чувства наши остались сильными, как в молодые годы. Мне даже кажется, что с годами они сильнее, ярче стали. Я тебя люблю и доверяю тебе. Поезжай. Сходи на могилку Леонида Белого, расскажи ему про Георгия Победоносца своего, про меня. Хотя... Условности все это, Лёля. В той могилке давно никого нет, и кости сгнили, наверное, за шестьдесят с лишним лет. А вот душа — особая субстанция. Она бессмертна. Нет для нее преград земных больше. Летает твой Лёлька над землей и смотрит на нас с тобой. Радует, что все у тебя сложилось, что с хорошим человеком ты жизнь прожила.

— Так уж и прожила? — воскликнула Лёля воинственно. — Ты мне это брось. Мы с тобой еще лет десять вместе прожить должны, как минимум. Хотя... На все воля Божья, как сейчас модно говорить. И нам с тобой пора к какой-нибудь вере прикрепиться.

— Пора, пора, моя родная...

Лёля купила билет и отправилась в прошлое. Колеса стучат на стыках рельсов, навевая грусть. Вернись... В ее сумочке лежат письма и дневники Леонида Белого. Зачем она их везет в Сибирь, не ясно. Просто везет.

После Лёлиной смерти она их ни разу не открывала, боялась. А теперь достаточно только взглянуть на тетрадь, чтобы память вернула забытое. Говорят в старости помнится прошлое лучше, чем настоящее. Возможно. Но как объяснить, что даже голос Леонида она отчетливо слышит сейчас, несмотря на то, что не слышала его вечно.

— Почему ты назвала наш дневник Хроматографом? — Леонид лежит на траве, закинув руки за голову. Она сидит рядом в ситцевом цветастом платье и сплетает веночек из ромашек. Лето. Солнце. Полуденный зной. Воздух чуть подрагивает, поднимаясь над землей.

— Почему Хроматограф? Да потому, что с помощью этого прибора мы с тобой проведем спектральный анализ, разложим на длины волн наши мысли, эмоции, чувства и поймем, что в жизни главное, а что в ней второстепенное, — ответила Лёля.

— Второстепенного у нас с тобой нет, милая моя Лёля. У нас все главное. Все, все,

Елена Фёдорова — прозаик, поэт, член Союза писателей России, член Интернационального союза писателей, драматургов, журналистов и Международной гильдии писателей, Союза писателей XXI века, Почетный работник Культуры города Лобня, автор около двухсот песен для детей и взрослых, автор тридцати шести книг на русском (девять из них для детей) и трех на английском языке.

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

все. Каждый вздох, каждый миг рядом с тобой — радость, — Леонид приподнялся. — Люблю тебя безумно. Спасибо, что ты не испугалась и приехала ко мне «во глубину сибирских руд», в неизвестность, называемую Чугуевкой, — рассмеялся. — Я в последнее время слова на слоги раскладываю. Знаешь, очень любопытно. Вот, к примеру, Чугуевка. Чу — словно предостережение. Стойте, не спешите. Гуев — это сибирский старожил. Этакий старичок-лесовичок бородастый. Ка — это удав из книги Киплинга. Только здесь нет удавов. Здесь змейки юркие, незаметные, поэтому и говорят о них без особой почтительности в финале.

— Выдумщик ты у меня, Лёлочка, — она потерлась щекой о его щеку. — Выдумщик.

— Это точно, — подтвердил Леонид. — Но дар мой особый появился благодаря тебе, Лёлочка дорогая. Ты во мне столько всего открыла, о чем я и представить не мог. Внутри меня вулкан клокочущий, готовый вырваться наружу в любой миг. Или нет, лучше не вулкан, а протуберанцы, которые магнитным полем твоей любви удерживаются на солнце. А это значит, что их в Хроматограф затапливать не нужно. Нужно просто любить. Любовь — это величайший дар. Счастлив тот, кто его обретает.

— Обрести мало. Нужно сохранить любовь. Мне она видится огоньком на ветру, который может погаснуть в любой миг. Не хочу, чтобы он гас. Пусть разгорается сильнее день ото дня. Пусть в большущий костер превратится...

— В пионерский, у которого мы будем петь пионерские песни, как в детстве, — добавил Леонид, поцеловав Лёлю в лоб. — Пионерские песни споем, и поверим в близкие планеты, и космической далью пройдем, чтобы вместе прожить до ста лет.

— Дожить до ста лет — это настоящая фантастика! Мне сейчас девятнадцать, тебе — двадцать два, это значит впереди у нас...

— Вечность, мой дорогой физик, — сказал Леонид, помогая ей подняться с травы. — Не переводи жизнь на цифры, Лёлочка. Наслаждайся ее неповторимостью сегодня, потому что завтра будут другие облака,

цветы, шмели, ветер, деревья, небо. Мы дружим завтра будем, на день повзрослеем. Но мне лично хочется остаться ребенком, смотрящим на мир восторженно и беззаботно. Знаю, знаю, от забот не уйти, но... заботы эти не должны над нами главенствовать, потому что мы с тобой — пионеры, первооткрыватели...

— Хорошо мне с тобой. Легкий ты человек, — Лёлька надела Леониду на голову веночек.

— Не-е, я не легкий, я тяжелый. Это ты у меня легкая, как пушинка, — он подхватил ее на руки, закружил. — Вся жизнь тебя на руках носить буду, Лёлька. Вся-ю-ю жизнь!

Поезд остановился. Купе опустело. Лёля с интересом наблюдала за жизнью перрона. Казалось, за шестьдесят с лишним лет здесь, в Сибири, ничего не изменилось. Ну, разве только наряды чуть-чуть поменялись, а сама жизнь замерла на том временном отрезке, который был дорог Лёлькиному сердцу.

— Картошечка горячая! Огурчики малосольные! Рыбка пряного посола! — выкрикивали торговки. — Молочко натуральное!

От наблюдений Лёлю отвлек высокий юноша, вошедший в купе.

— Здравствуйте! Я буду вашим попутчиком, — сел напротив. — Вы до какой станции едите?

— До Чугуевки, — ответила она.

— Совпадение какое! И я туда же. Тетушку решил навестить.

Она у меня телефонистка со стажем. Юбилей у нее в этом году. Восемьдесят — солидный возраст, — сел напротив. — Меня Марком зовут. А вас?

— Лёля Наумовна.

— Прямо вот Лёля и все?

— Прямо вот Лёля, — подтвердила она.

— Здорово. Редкое имя. Я люблю необычные имена, особенные. Есть в них что-то такое фантастическое, что ли. В вашем имени слышится нежная музыка любви. Вы, наверное, счастливый человек, Лёля Наумовна. С таким именем несчастной быть нельзя. Я прав?

— Правы, Марк, правы, — она кивнула, вспомнила, что Леонид ей в первую их встречу такие же слова говорил. Дежавю. — Сколько вам лет, Марк?

— Мне двадцать два уже, а вам?

— Мне далеко за двадцать, далеко, — она рассмеялась.

— Смех у вас, как у девчонки, — сказал Марк. — Вы — женщина без возраста, Лёля Наумовна. Можно я вас угощу? Я тут пирожков купил на перроне.

— Еще горячие, — сказала Лёля, взяв один. — С чем они?

— Не знаю, я не спрашивал, — ответил Марк. — Я забрал у бабушки все, что было, и в поезд прыгнул. Проводнику два чая заказал, пить хочу ужасно. Жарко, а в жару чай — самое милое дело.

— Самое, — подтвердила Лёля. Миша ей всегда говорил про чай и прибавлял:

— Казахи в чай кумыс добавляют, а мы охлажденной водичкой обойдемся за неимением оного...

Лёля не сразу поняла, что эти слова она не вспомнила, а их произнес Марк. Улыбнулась, положила пирожок на стол, спросила:

— А вы откуда родом, Марк?

— Мы все родом из детства, — он подмигнул ей, откусил пирожок. — О, с капустой. Вкусно. Кушайте, Лёля Наумовна.

Смутная догадка кольнула Лёлю в сердце. Два лица, Мишино и Ленино, слились в лицо Марка. Наваждение. От жары, наверное.

— С вами все в порядке? — спросил Марк участливо. — Вы так побледнели. Давайте окно откроем! Что же мы в духоте сидим? И дверь распахнем. Лучше?

— Да, спасибо. Но духота здесь ни при чем. Это память... — Лёля вздохнула. — Странная штука — память. Подкидывает порой нечто, а ты понять не можешь, что с этим делать-то теперь. Вот и сейчас вы мне мужа напомнили. Похожи вы на него двадцатилетнего.

— Не удивляюсь. На нашей планете есть множество похожих людей, двойников. Живут они себе в разных странах и не подозревают, что где-то ходит точная копия, дубликат на случай потери кода ДНК. Мы задумали передачу сделать на эту тему. Название придумали: «Найди свою копию, землянин». Уже человек сто откликнулось. Точные копии, вы не поверите. Говорят они на разных языках, а ощущение, что близнецы. Так не бывает, думается нам, ан нет, бывает. Нас всех клонируют и помещают в разные жизненные условия. Проверяют на выносливость, на коммуникабельность. Подвид европейский отправляют в холодный климат. Африканский — в жару. И так далее...

— Вы кто по профессии?

— Я ВГИК закончил, сценарный факультет. Кушайте, кушайте, Лёля Наумовна. Чай пейте. Мы еще закажем, и я вам про свои планы расскажу, если захотите мою исповедь услышать.

— Исповедь — звучит интригующе. Готова вас послушать, Марк, — она надкусила таки пирожок. Сдобный, ароматный из юности.

— Ура! Наконец-то появился человек, желающий послушать собеседника, — Марк отхлебнул чай. Отхлебнул шумно, с причмокиванием. — Сейчас ведь слушать люди не хотят и не умеют. Все говорить любят. Кругом самовлюбленные ораторы, воспевающие собственную гениальность, граничащую с глупостью. Идеи воруют без зазрения совести. Что такого? Спрашивают потом с милой улыбкой:

— Разве это вы придумали, нет, это мы первыми были, это нам в голову пришло, значит, лавры наши, а ты посторонись, парень, — откусил пирог. — С чем у вас пирожок вы не сказали?

— С яблоками, — ответила Лёля. — Очень вкусно. Давненько я таких домашних пирожков не ела. Мы, когда в Чугуевке жили, наша хозяйка тетя Маня постоянно нас баловала пирожками из печи. У нее была деревянная лопата с длинной ручкой, на которой помещалось штук двадцать пирожков. Тетя Маня сгружала их в печь, а потом ловко доставала из огня румяные, пахнущие сдобой лакомства. Я любила наблюдать за этим таинством, но сама к печи подходить боялась. Я же городская девочка, почти принцесса, а печи — это старинные сказки, к которым с особым почтением относиться нужно.

— С почтением, вы правы. Жалко, что сейчас цивилизация вокруг. Я бы вернулся в ту пору, когда лучина тускло светит, и люлька качается, и веретено поскрипывает, и огонь в печи горит, и бабушка сказки добрые рассказывает, — проговорил Марк мечтательно. — «Дела давно минувших лет, преданья старины глубокой», как сказал классик.

— Мне думается, что вы в Чугуевке и лучину, и печку найдете.

— Нее-ет, — Марк замотал головой. — Вы, Лёля Наумовна, заблуждаетесь. Не все так плохо здесь, как вам показалось. Прогресс и сюда добрался. А, соответственно, отношение людей к жизни стало слишком потребительским. Но я не об этом хотел говорить. Я с вами хотел свои грандиозные замыслы обсудить. Хотя, может, это они для меня — грандиозные, а в масштабах вечности — пыль...

— Звездная пыль, — подсказала она.

Продолжение на стр. 10

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОГРАДСКАЯ
СЛОВО

Александра Петроградская — прозаик, поэт. Живет и работает в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей XXI века.

Ночью мне снился дурной сон, полный детективного ужаса. В нем я заперлась в ванной комнате, спасаясь от преследования. Картонная дверь дрожала, собачка защелки изогнулась, вот-вот сорвется. Я боялась увидеть ужасное, но это было неизбежно. Лучше самой, решила я, выйти навстречу опасности, встретить ее лицом к лицу, а не трусливо отсиживаться и покорно ждать, когда на тебя набросится жестокость чужого. Я распахнула дверь. На пороге стоял близкий мне больной человек — сумасшедший, и у него отсутствовала левая половина черепа. Вернее, там была впадина, прикрытая кожей с коротко остриженными волосами.

Слово... Логос... Интонация... Ударение.

Вас когда-нибудь спасало слово? То есть случались ли в вашей жизни истории, когда вовремя найденное слово решало исход дела в вашу пользу и даже спасало вам жизнь? Или наоборот? Иногда молчание вовсе не золото. Иногда безмолвие, бессловесность ведут на плаху позорной смерти. Даже преступнику перед казнью дают последнее в его жизни слово. А что лучше: площадь, скопление народа или одинокий выстрел в затылок?

«От слов своих оправдываетесь!»

Я припоминаю несколько случаев из своей жизни. Один из них особенно показателен, и я приведу его ниже, другие же пусть ждут своего часа. Мне страшно подумать, что стало бы, не найди я тогда нужное слово.

Стояла теплая июньская ночь. Я приехала отдохнуть от города и поселилась в деревянном летнем домике для туристов, рассчитанном на восемь человек. Он состоял из двух помещений: стеклянной веранды с ручным умывальником, висащим над эмалированным тазиком, стоящим на полу, стареньким холодильником, ржавой электроплитой и просторной комнаты с двумя окнами без занавесок, с убогими кроватями в три ряда, тумбочками и настольными лампами самого простого дизайна, уцелевшими с эпохи оттепели. Рядом находилось еще несколько таких же контейнеров для жилья финского производства, заселяющихся только по выходным. Удобства — деревянные будки — располагались за чертой зоны отдыха и прятались в густой тени дико растущего леса, что было и на первый взгляд весьма проблематично для городского жителя. Для желающих повеселиться и завязать новые знакомства имелся клуб — невероятно мрачное, похожее на раскопанный гроб, который недавно покинул его постоялец, строение. И вообще: туристическая база располагалась на острове, сплошь покрытом лесом с обитающими в нем зверями и дичью. Остров находился посреди реки, разделяя ее на два довольно узких, но глубоких рукава. Мост отсутствовал.

Слышали ли вы когда-либо выражения, устойчивые словосочетания: «брянский волк» и «Брянск — город партизанской славы»? Людям, уставшим от сутолоки больших городов, о таком заброшенном месте стоило только мечтать. Сюда они добирались на лодке со скрипучими веслами и за плату, которую взимал с них проводник-лодочник — одноглазый инвалид войны. Старый и угрюмый, как Харон. Молоко же, сметану, мед и овощи, по желанию отдыхающих, привозила пышногрудая босоногая девка — рыжая и веселая, в цветастом платье и в косынке из ситца. Мобильных телефонов в ту пору в нашей стране еще не было. На острове царила полная изоляция от благ цивилизованного мира. И потому в этот рай приезжали за отдыхом и вдохновением люди творческие, но также и те, кто хотел просто пожить инкогнито.

Но случались редкие исключения. Днем, например, меня пригласил покататься по реке фотограф, приехавший из города осмотреть местность для планируемого отдыха. Солнце припекало и было душно. Я с удовольствием села в деревянную лодочку, взятую напрокат у Харона, и принялась наслаждаться живописной панорамой. Лес подступал прямо к реке, рос из нее, пил ее молоко. Я раскинула по сторонам обе руки, касаясь ладонями горячего тела лодки, и загорала. На мне была летняя юбка — прямая и длинная с пышными алыми

розами на черном фоне, которая удачно подчеркивала стройную молодую фигуру и нежнейшего оттенка блуза без рукавов. Легкий ветерок освежал мое лицо, а вокруг пели птицы, порхали бабочки, пронеслись мимо пучеглазые стрекозы. Я впала в блаженство, как ребенок. Фотограф — спортивной формы и зрелых лет — видимо, тоже. Обнаженный по пояс, он мерно греб веслами и молчаливо созерцал летнее солнцестояние. И тут я заметила вдруг нечто страшное и неприятно поразившее меня. Я испуганно взглянула на спутника. Он расплылся в улыбке.

— Да. Это они самые. Но видите, какие сонные?

На раскидистых ветвях старых лип и вязов тяжелыми гирляндами висели змеи, похожие на удавов. Они грели на солнце древние, как мир, тела, закрученные в ленивые кольца.

— Может, они задумали менять кожу, и именно так это у них происходит — вместе, сообща? — воскликнула я шепотом. Фотограф, улыбаясь, кивнул. Зрелище потрясающее.

— Дикое место! Надо быть острожной, — решила я и дала себе слово не бродить ночами в густой траве берега. — Буду сидеть в доме и делать то, зачем приехала в уединение. Буду читать книги по истории искусств, вникать в былинные биографии художников, не смыхтых цунами времени.

Итак. Ночь стояла гоголевская, тихая. Но вместо Днепра катила свои гладкие волны речушка с забытым именем, и в ней отражались луна и звезды, постаревшие на два столетия, а вокруг нее воровил дремучий лес с гигантскими древними змеями, меняющими кожу на шершавых ветвях старых вязов и кленов и зверьем, выходящим из лесной чащи на водопой. Жуткие джунгли. Не убежать, случись что. Я не осмелюсь пуститься вплавь по реке с ползущими к ней ночными гадами. Вот птица глухо хлопала крыльями, начертив мимолетную тень на раскрытой книге, лежащей на одиноком столе, освещенном казенной железной лампой. В недвижимом воздухе, окутавшем мой домик, повис сильный звон: цикад ли, кузнечиков, а между крышей и низким потолком, все что-то шуршит и поскрипывает. В пустынной комнате притаился незнакомый сумрак. Освещен лишь край стола с высокой стопкой книг на нем. Я погружаюсь в чтение.

— Хорошо как! Ни души! Ни гула шин автомобилей по асфальту, нарастающего, точно морские волны и бьющего в стекла окон и в ушные раковины, без устали, с неглубокими паузами. Бесконечное море мегаполиса, где ты? Ау? Ни души. Или все же кто-то есть? Кажется, слышу приглушенные голоса. Говорят двое. Голоса не женские. Вслушиваюсь.

Вот мелькнули их лица в окне. Света настольной лампы хватало, чтобы опознать пришельцев.

— Так это парни, приехавшие утром на лодке вместо девки-молочницы, доставившие вкусное молоко в трехлитровой банке из-под томатного сока. Они еще мед торговали! — вспоминаю я, и холодный озноб проходит по позвоночнику. Раздается стук в ветхую дверь веранды. Я мудро решаю не открывать незванным гостям. Но стук усиливается, а вместе с ним раздаются громкие голоса, настойчиво требующие стакан воды.

— Да. Ночью на лодке приплыли с другого берега, чтобы у меня воды напиться. Как же! Что им нужно? — вопрошаю себя я и чувствую, как холодеет сердце от найденного ответа.

Стекла двери дребезжат, собачка замка, такая ненадежная, не для злых помыслов созданная, испуганно дергается, едва гвоздем удерживаема. Голоса на улице все возбужденнее, все горячее, все злее требуют водицы испить. Я опускаю руки. Одна, как в могиле. Помощи ждать неоткуда. Кругом непроглядный лес со змеиным гнездом.

— Смерть от каких гадов принять лучше? Тех ли, бессловесных и в пята жалых, или этих — двуногих созданий?

Дверь уже захлебывается стеклянным воплем. Двое колотят в нее, молча и с нескрываемой злобой. Я слышу их хриплое звериное дыхание. И тут что-то происходит со мной. Я и теперь не понимаю, что именно. А выглядело это так.

Я распрямляю плечи и, высоко держа голову, спокойным деловым шагом подхожу к испуганной двери и открываю ее. Двое видят гневное выражение моего лица и тут же смолкают, стоя в нерешительности. И голосом школьной учительницы я говорю:

— За таких, как вы, Павка Корчагин кровь проливал. Жизнь свою отдал. А вы? Эх, вы!!! — говорю я, как выношу приговор, пронзая их взглядом.

«Все. Теперь на линейке опозорят, родителей к завучу вызовут, выговор влепят, из школы попрут. Пятно на биографии на всю жизнь. Надо валить, пока не поздно!» — трезво решают они.

Воцарилась жуткая тишина. Даже кузнечики смолкли. Я не двигаюсь. Смотрю на них каменным сфинксом. Двое недвижимы. Медленно осознают свое преступное намерение. Наконец, пристыжено наклоняют головы, синхронно натягивают кепки, спрятав в их тени глаза и, не глядя друг на друга, бегут к реке. Я притворяю дверь и выпиваю стакан воды.

А утром меня разбудило солнце. Я радостно встала, с удивлением вспоминая ставшее далеким происшествие прошлой ночи, вышла на веранду и замерла от нахлынувшего страха. На полу, в тазике для умывания, в нагретой утренним солнцем теплой водичке, нежились две темные узкие змейки! Час от часу не легче. Я с ужасом вскрикнула. Змейки же на удивление испугались и поспешили от меня подальше, в угол веранды, и там скрылись. Я с брезгливой опаской приблизилась и заметила в стене, возле пола, больших размеров дыру. Я растерялась и не знала, что с ней делать. А на другое утро сценарий со змейками повторился. Я запаниковала.

Но история эта имела хороший конец. К обеду приехал папа. Он с интересом выслушал мои причитания и, скормив две газеты — «Брянский Комсомолец» и «Брянский Рабочий», — заткнул дыру. Вот уж: все гениальное — просто!

Оставшуюся неделю я жила без визитеров. На лодке, по обыкновению, вместе с девкой-молочницей, приплывали и эти двое. Может быть, ее младшие братья. Парни, понурились головы и, пряча под кепками глаза, явно конфузятся, произносили слова приветствия. Сестра, ничего не подозревая, счастливо и весело смеялась.

— Так меду возьмете, чай? Луговой мед, лесной. Какой хотите? Завтра привезу. Сколько надо?

— Ты не волнуйся, Лёлька. Я тебя неволить не стану. Живи, сколько потребно, а там... Посмотрим, что Бог даст... — пробубнил Леонид и вышел.

Лёлька распахнула окно в сад, зажмурилась вдыхая запах дурман-травы.

«Поживу пока, а там... что Бог даст», — решила она...

Окончание. Начало на стр. 9

Ключи отдала начальнику завода, на котором Лёня работал. Жилье-то казенным было. Их дом могли передать кому угодно. Нуждающихся в жилье тогда было много. Неужели не передали? Но, как, как все это смогло сохраниться в первоначальном виде, в голове не укладывается. Или это уже не ее вещи, а похожие на те, что у нее были? Лучше думать, что похоже.

— Я комнату для тебе приготовил, — Леонид распахнул перед Лёлей дверь справа от печки. — Светелка наша, помнишь?

— Помню, как не помнить. Здесь всегда светло было, и от печки жар шел.

Лёля вошла в светелку, осмотрелась. Кровать с панцирной сеткой — реликвия. Кружевной подбор под матрацем, громадная перина, большие перьевые подушки. Таких сейчас ищи — не найдешь. Одежда лоскутная — подарок тети Мани. Этажерка с книгами и луговые цветы в вазе.

— Располагайся, осваивайся. А я пока стол накрою, — сказал Леонид с нежностью, и Лёля не сдержалась.

— А где же хозяйка твоя?

— Схоронил три года назад, — голос Леонида дрогнул. — Бобыль я теперь. Если захочешь остаться и мою жизнь украсить, Лёля Науумовна, буду рад...

Лёля испугалась. Она не собиралась здесь оставаться. У нее муж, семья, ученики...

РЕКЛАМА

Список авторов книг,
изданных в «Вест-Консалтинг»

1. Ольга Адрианова
2. Геннадий Айги
3. Галина Куборская-Айги
4. Владимир Алейников
5. Кирилл Алейников
6. Сергей Алимарин
7. Зульфия Алькаева
8. Анна Альчук
9. Елена Антонова
10. Григорий Арлинский
11. Светлана Артёмова
12. Сергей Арутюнов
13. Игорь Архангельский
14. Ирина Асоянц
15. Эльдар Ахадов
16. Алексей Бакашин
17. Рита Бальмина
18. Роман Барабаш
19. Андрей Баранов
20. Ольга Баранюк
21. Аркадий Бартов
22. Александр Барынин
23. Юрий Беликов
24. Виктор Белоусов
25. Готфрид Бенн
26. Зоя Билюткина
27. Сергей Бирюков
28. Галина Богапеко
29. Юрий Богданов
30. Марина Борина-Малхасян
31. Михаил Бойко
32. Константин Брансвик
33. Ян Бруштейн
34. Николай Булавкин
35. Алина Бурмистрова
36. Лео Бутнару
37. Вир Вариус
38. Александр Вепрёв
39. Верочка Вербина
40. Анна Ветлугина
41. Татьяна Виноградова
42. Виталий Владимиров
43. Александр Волин
44. Александр Воловик
45. Игорь Воловик
46. Дэвид Вонсбро
47. Вячеслав Воронков
48. Олег Воронцов
49. Инна Враймуд
50. Михаил Вяткин
51. Наталья Габриэлян
52. Анна Гальберштадт
53. Лика Галкина
54. Галина Гедрович
55. Георгий Геннис
56. Александр Гладков
57. Максим Гликин
58. Владимир Глянц
59. Александр Говорков
60. Евгений Голованов
61. Ирина Голубева
62. Сергей Горбушин
63. Лев Готгельф
64. Виктор Грушко
65. Ирина Грюнова
66. Анатолий Гоморев
67. Евгений Гоморев
68. Григорий Горнов
69. Ги Гоффет
70. Андрей Гусев
71. Таисия Гуськова
72. Олег Гуров
73. Алла Горчева
74. Татьяна Грауз
75. Юрий Григорьев
76. Борис Гринберг
77. Алиса Гринько
78. Феликс Гурт
79. Светлана Даен
80. Владимир Дашкевич
81. Эрнест Даусон
82. Владимир Делба
83. Алина Дием
84. Ростислав Дижур
85. Светлана Дион
86. Виталий Дмитриев
87. Элен Дорион
88. Мария Душаева
89. Виктор Дьяков
90. Эдмон Жабес
91. Макс Жакоб
92. Тамара Жирмунская
93. Максим Жуков
94. Жанна Журавлева
95. Анатолий Зайцев
96. Максим Замшев
97. Сергей Зубарев
98. Илья Егармин
99. Александр Емельяненко
100. Елена Ерофеева-Литвинская
101. Анастасия Ермакова
102. Владимир Ермолаев
103. Владимир Ерошин
104. Наталья Ефимова
105. Олег Елшин
106. Константин Иванов
107. Сергей Ивкин
108. Дарья Ильгова
109. Инесса Ильина
110. Борис Илюхин
111. Инна Иохвидович
112. Константин Иванов
113. Елена Иванова-Верховская
114. Магомед Кадирбеков
115. Владимир Казимиров
116. Татьяна Кайсарова
117. Николай Калинин
118. София Камалова
119. Семён Каминский
120. Суламифь Канарская
121. Алексей Караковский
122. Александр Карпенко
123. Геннадий Кацов
124. Юлий Квартин
125. Роберт Кесслер
126. Ингрид Кирштайн
127. Тамара Клейман
128. Светлана Климова
129. Виктор Клыков
130. Юрий Кобрин
131. Кирилл Ковальджи
132. Алексей Козин
133. Алла Козырева
134. Александр Колобаев
135. Юрий Колодный
136. Людмила Колодяжная
137. Надежда Кондакова
138. Александр Коновалов
139. Александр Кожемякин
140. Людмила Коль
141. Юрий Коньков
142. Владимир Коркунов
143. Леонид Корниенко
144. Ксения Корнилова
145. Артем Корсаков
146. Владимир Кочетков
147. Любовь Красавина
148. Алла Красникова
149. Нина Краснова
150. Светлана Краснова
151. Анна Креспи
152. Сергей Кромин
153. Ирина Кронгауз
154. Елена Крыжановская
155. Александр Крючкова
156. Борис Кутенков
157. Борис Ларюшкин-Железный
158. Борис Левит-Броун
159. Марина Левина
160. Алексей Левшин
161. Александр Лейбо
162. Илья Леленков
163. Слава Лён
164. Александр Либеров
165. Наталия Лихтенфельд
166. Аня Логвинова
167. Ольга Любимова
168. Александр Лысенко
169. Виктория Лысенко
170. Дмитрий Лукин
171. Анна Лучина
172. Владимир Мазья
173. Наталья Мамлина
174. Питер Н. Мартин
175. Борис Марченко
176. Владимир Масалов
177. Арсен Мелитонян
178. Вилли Мельников
179. Надежда Мещерякова
180. Юрий Милорава
181. Елена Минькина
182. Арсен Мирзаев
183. Александра Миронова
184. Мария Миронова
185. Ольга Михайлова
186. Святослав Михня
187. Сергей Мнацаканян
188. Вячеслав Моисеев
189. Ольга Моисеева
190. Виталий Молчанов
191. Макс Моро
192. Евгений Морозов
193. Важди Муавад
194. Дмитрий Мурзин
195. Антон Нечаев
196. Константин Никитенко
197. Владимир Николаев
198. Михаил Николаев
199. Наталья Никулина
200. Николай Никулин
201. Владимир Новиков
202. Елизавета Новикова
203. Сергей Нырклов
204. Дмитрий Овчаренко
205. Григорий Оклендский
206. Александр Олейников
207. Александр Орлов
208. Дмитрий Остапович
209. Елена Павлова
210. Игорь Панин
211. Мария Панфилова
212. Алексей Пахомов
213. Виктор Петров
214. Станислав Пенев
215. Юрий Перфильев
216. Виктор Петров
217. Георгий Петров
218. Тамара Пономаренко
219. Юлия Пономаренко
220. Сергей Попов
221. Александр Поповский
222. Эдуард Процевский
223. Владимир Пучков
224. Викентий Пухов
225. Снежана Ра
226. Иосиф Рабинович
227. Ксения Радионова
228. Егор Радов
229. Леонид Резник
230. Марианна Рейбо
231. Илья Рейдерман
232. Ирина Репина
233. Евгений Реутов
234. Наталья Рожкова
235. Иван Розанов
236. Татьяна Романова-Настина
237. Данте Габриэль Россетти
238. Пётр Ртищев
239. Борис Рубенчик
240. Катя Рубина
241. Борис Рублов
242. Павел Рыков
243. Гоар Рштуни
244. Софья Рэм
245. Дина Садыкова
246. Алексей Самойлов
247. Людмила Саницкая
248. Ирина Санс
249. Елена Сафронова
250. Глеб Сахаров
251. Евгений Селезнев
252. Людмила Серова
253. Юлия Сигорская
254. Игорь Салантьев
255. Ирина Силецкая
256. Ольга Симоненко-Большагина
257. Андрей Сокульский
258. Олег Солдатов
259. Натан Солодухо
260. Валентин Соломатов
261. Владимир Солоненко
262. Виктор Соснора
263. Владимир Спектор
264. Анастасия Степанова
265. Евгений Степанов
266. Наталья Стикина
267. Людмила Строганова
268. Сергей Стукало
269. Сергей Сутулов-Катеринич
270. Александр Сыров
271. Николай Табаков
272. Сергей Тарасов
273. Ольга Татаринова
274. Жан Тардые
275. Светлана Тимакова
276. Владимир Титов
277. Александр Ткаченко
278. Алексей Ткаченко-Гастев
279. Дубравка Ораич Толич
280. Дмитрий Тонконогов
281. Виктория Топоногова
282. Александр Трунин
283. Леся Тышковская
284. Вальтер Тюмлер
285. Валерий Тюпа
286. Дмитрий Тюпа
287. Марк Уральский
288. Борис Устименко
289. Людмила Уфимцева
290. Надежда Ушакова
291. Александр Файн
292. Наталья Фатева
293. Сергей Фед
294. Лариса Федотова
295. Александр Федулов
296. Наталия Филатова
297. Олег Филипенко
298. Дмитрий Филиппенко
299. Фёдор Филиппов
300. Жан Фоллен
301. Сергей Фотиев
302. Юлиан Фрумкин-Рыбаков
303. Анна Харитонова
304. Евгений В. Харитонов
305. Игорь Харичев
306. Рустэм Хисматуллин
307. Бруно Ходнагель
308. Михаил Хорев
309. Юрий Хрычов
310. Михаил Чевега
311. Валерий Черкашин
312. Анастасия Чернова
313. Александр Четвёркин
314. Мариэтта Чудакова
315. Дмитрий Цесельчук
316. Геннадий Шамрай
317. Олег Шатыбелко
318. Лариса Шестакова
319. Татьяна Шемякина
320. Татьяна Шемякина-Бородянская
321. Маргарита Шилова
322. Леонид Шимко
323. Михаил Шинко
324. Давид Шраер-Петров
325. Татьяна Щёкина
326. Любовь Щербинина
327. Элана
328. Инна Юрманова
329. Алексей Юрьев
330. Александр Юсупов
331. Ия Эско
332. Борис Якубович

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 5 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия» и «Поэтоград», поддерживает 10 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanov@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com.ru

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Евгений Евтушенко, Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Евгений Рейн, Юлий Ким, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Сергей Гандлевский, Виктор Соснора, Тимур Кибиров, Наум Коржавин, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайты премии «Поэт», журнала «Знамя» и др. Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanov@mail.ru Сайт: www.west-consulting.com.ru

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail:

stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка

Анна Розанова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № 10145. Общий тираж 5000 экз.